

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ К 70-ЛЕТИЮ ХИЗРИ АМИРХАНОВИЧА АМИРХАНОВА

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА, КАВКАЗ, БЛИЖНИЙ ВОСТОК В КАМЕННОМ ВЕКЕ:
ХРОНОЛОГИЯ, ИСТОЧНИКИ И КУЛЬТУРОГЕНЕЗ

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

3-5 ФЕВРАЛЯ, 2020 Г.
МОСКВА

Москва 2020

УДК 902/903
ББК 63.4
В78

Утверждено к публикации Ученым советом ИА РАН

Редакторы:

*кандидат исторических наук К.Н. Гаврилов,
кандидат исторических наук Е.В. Леонова*

Рецензенты:

*доктор исторических наук В.Я. Сергин
доктор исторических наук С.В. Ошибкина*

Восточная Европа, Кавказ, Ближний Восток в каменном веке: хронология, источники и культурогенез. Международная конференция. Тезисы докладов. – М.: ИА РАН, 2020. – 102 с.

Сборник содержит тезисы докладов участников международной конференции «Восточная Европа, Кавказ, Ближний Восток в каменном веке: хронология, источники и культурогенез» (Москва, 3–5 февраля 2020 года). Издание рассчитано на специалистов в области археологии палеолита и геологии четвертичного периода Восточной Европы, Кавказа и Ближнего Востока.

ISBN 978-5-94375-305-3

DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-94375-305-3

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2020

© Авторы статей, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
Алмаамари А. А. Р. СТОЯНКА ДЖЕБАЛЬ АЛЬ УКЛА (РУБ АЛЬ ХАЛИ): АШЕЛЬ – ПОЗДНИЙ КАМЕННЫЙ ВЕК	10
Анойкин А.А. ПЕРЕХОД ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ	11
Астахов С.Н. ПАЛЕОВУЛКАНЫ В АРХЕОЛОГИИ	12
Ахметгалеева Н. Б., Тушабрамишвили Н. Д. ПЕРЕХОД ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ: К ВОПРОСУ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ КОСТНОГО СЫРЬЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕЩЕРЫ ОРТВАЛЕ КЛДЕ (ГРУЗИЯ)	13
Беляева В.И. НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О «НОЖАХ КОСТЕНКОВСКОГО ТИПА»	15
Беляева Е.В. БИФАСЫ И РУБИЛА	17
Березина Н.С., Березин А.Ю., Галимова М.Ш., Гольева А.А. НОВЫЕ ДАННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЙ СТОЯНКИ ФИНАЛЬНОГО ПАЛЕОЛИТА ШОЛМА I НА СРЕДНЕЙ ВОЛГЕ (РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК 2017 И ДАТИРОВАНИЯ)	18
Бессуднов А.А. ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ АТРИБУЦИИ I СЛОЯ КОСТЁНОК 17	20
Бессуднов А.Н., Бессуднов А.А., Кузьмин Я.В., Бодэн М., Захарова Е.Ю., Бурова Н.Д., Родионов А.М. РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕЙ ПОРЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА В ДИВНОГОРЬЕ: ПРОБЛЕМА МЕТОДА, СТРАТИГРАФИИ ИЛИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ?	22
Бурова Н.Д., Ахметгалеева Н.Б. РЕЗУЛЬТАТЫ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ОСТЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА БЫКИ 7	24
Васильев С.А. МЕТОДИКА РАСКОПОК ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК ОТКРЫТОГО ТИПА В РОССИИ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ	26
Васильев С.В. ДМАНИССКИЙ ГОМИНИД. МОРФОЛОГИЯ И ТАКСОНОМИЯ	28

Ветров В.С. МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ НИЖНЕГО ПАЛЕОЛИТА ГОЛОВЧИНЦЫ-1 В БАССЕЙНЕ ЮЖНОГО БУГА (УКРАИНА, ХМЕЛЬНИЦКАЯ ОБЛАСТЬ)	29
Виноградова Е.А. ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ МИКРОЛИТЫ В ИНВЕНТАРЕ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК КАМЕННОЙ БАЛКИ	30
Волошин В.С. ИССЛЕДОВАНИЕ РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА В ЦЕНТРАЛЬНОМ КАЗАХСТАНЕ	31
Выборнов А.А. ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ И ХРОНОЛОГИИ НЕОЛИТА СЕВЕРНОГО ПРИКАСПИЯ	32
Гаврилов К.Н., Воскресенская Е.В. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПЕРВОБЫТНОГО ИСКУССТВА ИЗ РАСКОПОК СТОЯНКИ ХОТЫЛЁВО 2, ПУНКТ В ...	33
Гиджрати Н.И. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ПЕЩЕРНОГО КОМПЛЕКСА АФСАТИ ЛАГАТ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ	34
Главенчук А.В. АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ПОСЕЛЕНИИ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА АНЕТОВКА 2	35
Горшков А.Д. ПАМЯТНИКИ С МАТЕРИАЛАМИ КУЛЬТУРЫ БРОМЕ-ЛИНГБИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКОЙ ЧАСТИ БАССЕЙНА РЕКИ НЕМАН	36
Данильченко А.Ю. РАЗВЕДКИ ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА В СЕВЕРОВОСТОЧНОМ ПРИАЗОВЬЕ В 2019 Г.	39
Джафаров А.Г. НОВЫЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕЩЕРНЫЕ СТОЯНКИ БУЗЕИР И ЗУВАНДЧАЙ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ	40
Жилин М.Г. ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ ФИНАЛЬНОГО ПАЛЕОЛИТА И МЕЗОЛИТА ГОРНОГО КРЫМА	42
Житенев В.С. ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ НА ПОВЕРХНОСТИ ПОЛА КАПОВОЙ ПЕЩЕРЫ: МЕТОДИКА ПОИСКА И РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ	43
Зейналов А.А., Кулаков С.А., Идрисов И.А. НОВЫЕ НАХОДКИ РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА В АПШЕРОН-БАКИНСКИХ ОТЛОЖЕНИЯХ АЗЕРБАЙДЖАН	44

Зоров Ю.Н. НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ЭПИ-ОРИНЬЯКУ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ	46
Кашина Е.А. ИСКУССТВО МАЛЫХ ФОРМ ЛЕСНЫХ ОХОТНИКОВ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ РАВНИНЫ 6000–3000 ГГ. ДО Н.Э.: КРАТКИЙ ОБЗОР	48
Колесник А.В. К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ «ВОСТОЧНОГО МИКОКА»	49
Кузьмин Я.В., Васильев С.В., Бодэн М., Гаврилов К.Н., Стулова Д.И. ХРОНОЛОГИЯ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ СУНГИРЯ В СВЕТЕ НОВЫХ РАДИОУГЛЕРОДНЫХ И СТРАТИГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ	50
Кулаков С.А. К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ВЫДЕЛЕНИЯ РАННЕГО АШЕЛЯ НА КАВКАЗЕ	51
Лев С.Ю., Романис Т.В., Тумской В.Е., Лебедева М.П., Седов С.Н. РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО И ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАРАЙСКОЙ СТОЯНКИ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ	53
Леонова Е.В., Успенская О.И. ПАМЯТНИКИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА РУБЕЖА ПЛЕЙСТОЦЕНА-ГОЛОЦЕНА С ГЕОМЕТРИЧЕСКИМИ МИКРОЛИТАМИ В ВИДЕ СЕГМЕНТОВ	55
Лисицын С.Н., Желтова М.Н., Еськова Д.К., Рейнольдс Н., Цветкова Н.А., Пустовалов А.Ю. НЕЗАСЛУЖЕННО ЗАБЫТЫЙ ГРАВЕТТИЙСКИЙ ПАМЯТНИК КОСТЕНКИ 9: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЙ	56
Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В., Курель Б., Медоус Дж., Бондетти М., Люквин А., Крег О., Херон К., Кулькова М.А. ДРЕВНЕЙШАЯ КЕРАМИКА И НАЧАЛО НЕОЛИТИЗАЦИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ	58
Машенко Е.Н., Лев С.Ю., Сердюк Н.В. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА СТОЯНКЕ ЗАРАЙСК Е	60
Медведев С.П. СТРАТИГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОМПЛЕКСОВ АВДЕЕВСКОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)	62
Мерц В.К. О ВЛИЯНИИ КУЛЬТУР ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ЮЖНОГО ПРИКАСПИЯ НА КОМПЛЕКСЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА (ПО МАТЕРИАЛАМ МНОГОСЛОЙНОЙ СТОЯНКИ ШИДЕРТЫ 3)	64

Наугольных С.В. ПАЛЕОПОЧВЫ ПЛЕЙСТОЦЕНА: ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОННОТАЦИИ	65
Нездолий А.И. СТОЯНКА КОРОБЧИНО-КУРГАН НА ЮГО-ЗАПАДЕ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ РАВНИНЫ	66
Ожерельев Д.В. НОВЫЕ ДАННЫЕ О КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ МНОГОСЛОЙНОЙ СТОЯНКИ МУХКАЙ II В КОНЦЕ РАННЕГО ПЛЕЙСТОЦЕНА	67
Очередной А.К. АНАЛИЗ СТРУКТУР ДВУСТОРОННЕ ОБРАБОТАННЫХ ОРУДИЙ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЕВРОПЫ	69
Панин А.В., Куренкова Е.И., Тумской В.Е., Хлопачев Г.А., Украинцев В.Ю., Зюганова И.С. МОРФОЛИТОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ДОЛИНЕ Р. СУДОСТЬ В ПЕРИОД ОСВОЕНИЯ ЕЕ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИМ ЧЕЛОВЕКОМ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ ОКРЕСТНОСТЕЙ СТОЯНОК ЮДИНОВО И ЕЛИСЕЕВИЧИ)	72
Петрова Н.Ю., Бабенко А.Н., Дараби Х., Чадери Х. НЕОЛИТИЧЕСКАЯ ГОНЧАРНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ЮГО-ЗАПАДНОГО ИРАНА	74
Пиструил И.В. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ	75
Питулько В.В., Павлова Е.Ю. ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ИГЛЫ С УШКОМ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОКОРЕНИЯ МИРА	76
Поплевко Г.Н. ТРАСОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИЗДЕЛИЙ ИЗ КРЕМНЯ, КОСТИ И РАКУШКИ ИЗ НИЖНИХ СЛОЕВ ПОСЕЛЕНИЯ РАКУШЕЧНЫЙ ЯР	78
Рыбалко А.Г. ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ АШЕЛЬСКИХ КОМПЛЕКСОВ ДАРВАГЧАЙСКОГО ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКОГО РАЙОНА (ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ ДАГЕСТАН)	80
Синицын А.А. ДООРИНЬЯКСКИЙ ПЛАСТ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ХРОНОЛОГИЯ, ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ И КУЛЬТУРОГЕНЕЗ	82
Синицына Г.В. ПЕРВЫЕ ПОСЕЛЕНЦЫ НА ТЕРРИТОРИИ ОТСТУПИВШЕГО ЛЕДНИКОВОГО ЩИТА НА ВАЛДАЙСКОЙ ВОЗВЫШЕННОСТИ	84

Сорокин А.Н., Панин А.В., Солодков Н.Н. Смирнов А.Л. ЗАБОЛОТСКИЙ ТОРФЯНИК: НОВАЯ СТРАНИЦА ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ	86
Степанова К.Н. КОСТЯНЫЕ ОРУДИЯ СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА ХОТЫЛЁВО I	88
Столпникова Е.М., Ковалева Н.О., Амирханов Х.А., Ожерельев Д.В. ПАЛЕОПОЧВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАННЕПЛЕЙСТОЦЕНОВЫХ ОТЛОЖЕНИЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ МУХКАЙ ПА И МУХКАЙ П (СЛОИ 21–25) (РЕСПУБЛИКА ДАГЕСТАН): ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДАННЫХ И ВОЗМОЖНОСТИ МЕТОДОВ	90
Таймазов А.И. СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОСТАТКОВ В КУЛЬТУРНОМ СЛОЕ СТОЯНКИ КОНЦА РАННЕГО ПЛЕЙСТОЦЕНА МУХКАЙ I (СЛОЙ 7В)	92
Тарасов А.Ю., Зобков М.Б., Стафеев С.В. РАЗМЕР ДЕБИТАЖА КАК ПАРАМЕТР ДЛЯ ОЦЕНКИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА КАМЕННЫХ ОРУДИЙ. НА ПРИМЕРЕ ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ МАСТЕРСКИХ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА	93
Хайкунова Н.А., Симоненко А.А. ОТ ОКРАИНЫ К ЦЕНТРУ: К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПЕРИФЕРИЙНЫХ ОБЪЕКТОВ ВТОРОГО СЛОЯ СТОЯНКИ ТРЕТИЙ МЫС	95
Чубур А.А. РАЗБРОС АБСОЛЮТНЫХ ДАТ ОЧАГОВ КОСТЕНКОВСКО-АВДЕЕВСКИХ КОМПЛЕКСОВ: ВАРИАНТ ОБЪЯСНЕНИЯ	97
Щелинский В.Е., Трихунков Я.И., Кузнецов Е.В., Лунев М.Ю., Латышев А.В., Васильева М.А., Надуткин И.А. ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ НА Р. ПСЕКУПС (ПРЕДГОРЬЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА): НОВЫЕ ДАННЫЕ	98
Stepanchuk V.N. THE EARLY SITES OF THE STONE AGE OF UKRAINE	100
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	101

ПРЕДИСЛОВИЕ

В декабре 2019 года исполнилось 70 лет доктору исторических наук, академику РАН, профессору Хизри Амирхановичу Амирханову. Научным сообществом Х.А. Амирханов по праву считается ведущим специалистом по археологии палеолита в нашей стране. Он является первооткрывателем опорных памятников древнейшего палеолита на Кавказе и в Аравии, автором оригинальной методики исследования открытых стоянок Русской равнины, разработчиком нового подхода к проблеме восточного граветта. Не менее важна организаторская роль Х.А. Амирханова, создавшего самостоятельный центр изучения древнекаменного века в Москве, многие годы возглавлявшего Дагестанский научный центр РАН.

К этой знаменательной дате приурочена научная конференция «Восточная Европа, Кавказ, Ближний Восток в каменном веке: хронология, источники и культурогенез», организованная Отделом археологии каменного века ИА РАН в сотрудничестве с Отделом палеолита ИИМК РАН. Читатель может ознакомиться с тезисами докладов участников этого представительного научного собрания, собранных в данном издании.

Сфера научных интересов Хизри Амирхановича чрезвычайно широка, выходя далеко за пределы археологии каменного века. Тем не менее, тематика докладов участников конференции в основном связана с актуальными проблемами изучения каменного века Восточной Европы, Кавказа и Ближнего Востока, что вполне логично, учитывая приоритеты исследований юбилея.

ОРГКОМИТЕТ

A. A. P. Алмаамари

يرم الحلال دشار دم حأ قازرلا دب ع. دأ

A. A. R. Almaamary

Университет короля Сауда. Эр-Риад, Саудовская Аравия

ةي دوعسلا تي برعلا كلكملا - دوعس كلكملا ةعماج

King Saud University. K. S. A.

rashed_almaamary@yahoo.com

СТОЯНКА ДЖЕБАЛЬ АЛЬ УКЛА (РУБ АЛЬ ХАЛИ): АШЕЛЬ – ПОЗДНИЙ КАМЕННЫЙ ВЕК

Исследование посвящено новым открытиям в пустыне Рамлат ас-Сабьятен (Руб аль Хали), где в 2008 году автором была найдена ашельская стоянка Джабаль аль Укла (провинция Шабва, Южный Йемен). Обнаруженные каменные артефакты подтверждают, что эта территория была обитаема с эпохи среднего ашеля до позднего каменного века. Исследователь применяет свою оригинальную методику, основанную на степени патинизации поверхности каменных артефактов, что позволяет представить полную картину изменения индустрий в этом районе.

نيت عبسلا قلمر يف قلق الحلال لبح يف يلو وشألا روض الحلال عقوم فاشتكا ثحبل اذه لوانتي: صخلم
يف ةردانلا روكذملا روض الحلال عقوم نم عقوملا اذه دعوي، نميلا يف قوبش ةظفاحم يف يلا خلا عبر الحلال يف
لسالسل يف مسفن روض الحلال يرخأ عقوم دوجو الحلال ريشي وهف مسفن تقولا يفو، ماع هجوب يلا خلا عبر الحلال
يتلا فينقتلا قطل او ةيرج الحلال تا عونصملا الحلال ءانبو، قلق الحلال لبح قرش لامشو قرش ةعاولا قلي لجل
طسوألا يلو وشألا روض الحلال الحلال دوعس عقوملا اذه ناف، ثحبل اذه يف ةدراولا ةيرج الحلال تاودال هب تزيمت
ةس اردلان او، مدعب ام الحلال او، طسوألا مديق الحلال يرج الحلال روض الحلال تاودال دوجو الحلال ةفاض، رخصألا يلو وشألا روض الحلال
ةعيبط نع كلكملا يف امب، عقوملا اذه نع عسوألا تامول عم مديقتس قلق الحلال لبح عقوملا ةعسوملا قيلي صفتلا
قصل تاذ ةيرج الحلال تاشنملا.

The research concerns the discovery of Aushelian site Jabal al- U'qla in Ramlat al-Sabateen Empty Quarter, which is the firstly was found in the area in 2008. The author reveals the Stone artifacts that confirm this area was inhabited from Middle Aushelian Period until Late Stone Age. The researcher applies his original methodic based on patinas levels to draw the full industrial evolution of this particular site.

ПЕРЕХОД ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ НА ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ

В настоящее время, граница среднего и верхнего палеолита на Кавказе представляет собой hiatus ~4–5 тыс. лет. Поздние среднепалеолитические комплексы здесь доживают до ~44–37 тыс. л. н. При этом в них не наблюдается каких-либо существенных технико-типологических изменений. Позднее им на смену приходят уже верхнепалеолитические индустрии с развитым пластинчатым производством и принципиально иным орудийным набором. Это позволяет исследователям предполагать, что изменения носили «катастрофический» характер и, скорее всего, были связаны со сменой населения.

Рубеж среднего – верхнего палеолита на западном побережье Каспия в основном характеризуют материалы стоянок Тинит-1 и Рубас-1 (верхний комплекс) (Приморский Дагестан). Время их бытования приходится на интервал ~50–35 тыс. л.н. Эти индустрии, в отличие от синхронных технокомплексов из других регионов Кавказа, показывают существенные изменения произошедшие за время их бытования. Наиболее заметна трансформация первичного расщепления – отказ от леваллуазских техник расщепления, переход к подпризматическому пластинчатому раскалыванию. Также происходят изменения в орудийных наборах: исчезают среднепалеолитические острыйные формы (леваллуазские и мустьерские остроконечники, угловатые скребла), упрощается обработка скребел, увеличивается количество и разнообразие верхнепалеолитических типов орудий. Граница этих изменений, судя по всему, приходится на интервал 43–42 тыс. л. н.

От материалов памятников Северо-Западного и Южного Кавказа индустрии Приморского Дагестана отличаются отсутствием бифасов, низкой долей остроконечных форм (остроконечники, конвергентные и угловатые скребла), крайне редким использованием приема вентрального утончения. Наибольшее сходство они имеют с комплексами стоянки Шлях (слои 7–9) на юге Русской равнины.

Причины этих изменений на основе имеющейся информации определить сложно. На наш взгляд, возможны три варианта: это наиболее раннее свидетельство прохода по каспийскому коридору группы носителей верхнепалеолитических технологических традиций; это южная граница ареала распространения нелеваллуазских пластинчатых индустрий юго-запада Восточно-Европейской равнины на рубеже среднего/верхнего палеолита; здесь фиксируется начало формирования верхнепалеолитических индустрий на местной основе.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ 18-00-00660-КОМФИ.

ПАЛЕОВУЛКАНЫ В АРХЕОЛОГИИ

Древние вулканы (или палеовулканы: по Лучицкий, 1971. С. 5) давали огромные выбросы. В Японии при палеоизвержении ASO-4 тефры объемом около 600 км куб. покрыла всю территорию островов слоем пемзы и пепла в 15 см (Оно, 1996. Р. 3). Эти слои предоставляют археологу надежные стратиграфические эталоны (Астахов, 1999. С. 8).

Палеовулканы давали лучшее каменное сырьё, прежде всего - обсидиан. Ножевидные пластинки из него не уступают современным стальным аналогам. Потребительские свойства вулканического сырья обусловили обмен им на значительные расстояния (Pitulko and al., 2019. Р. 28–44).

Однако палеолитический человек не мог переносить с собой заметные количества сырья и орудий. Вот почему именно около палеовулканов чаще всего возникали стоянки-мастерские с богатым материалом. Находки из серого кварцита на стоянке Бож-Даг (Тува) тянулись вниз по склону на 300 м. При раскопках П.В. Морозом в 2019 г. открытой автором в 1962 г. стоянки Титовская сопка-2 с раскопа площадью около 2 кв. м было поднято примерно 4000 изделий (Мороз, 2019, устное сообщение).

Таким образом, палеовулкан для археолога является надежным поисковым признаком стоянок-мастерских. Однако используется этот признак в отечественной археологии явно недостаточно. Хотя глобальная база данных о палеовулканах имеется (PVL, 2019), но палеовулканы России представлены в ней крайне скупо. Поэтому интерес археологов к палеовулканам прежде всего требует создания специализированной базы данных по отечественным вулканам эпохи плейстоцена.

Список литературы

- Астахов С.Н.* Древний палеолит Японии. СПб: ИИМК РАН, 1999. 80 с. ISBN 5-201-01219-1.
- Лучицкий И.В.* Основы палеовулканологии. В 2 т. Т. 2. Древние вулканы / Отв. ред. акад. А.Л. Яншин М.: Наука, 1971. 383 с., ил.
- Ono A.* Die Altsteinzeit in Japan / Achte Rudolf Virchow-Vorlesung // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums (Mainz). 42 Jahrgang. S. 3–19.
- Pitulko V.V., Kuzmin Y.V., Glascock M.D., Pavlova E.Y.* «They came from the ends of the earth»: long-distance exchange of obsidian in the High Arctic during the Early Holocene // *Antiquity*. February 2019. Vol.93. Issue 367. P. 28–44.
- Pleistocene Volcano List // NMNH Site's: https://volcano.si.edu/list_volcano_pleistocene.cfm (дата обращения 25.06.2019).

ПЕРЕХОД ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ: К ВОПРОСУ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ КОСТНОГО СЫРЬЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕЩЕРЫ ОРТВАЛЕ КЛДЕ (ГРУЗИЯ)

В целях уточнения знаний о жизнедеятельности древних обитателей Южного Кавказа был воссоздан процесс первичного расщепления кости по среднепалеолитическим слоям 6–5 пещеры (43–36 тыс. л. н.), слоям 4a-d (38–27 тыс. л. н.) и верхнепалеолитическим слоям 3–1 (21–19 тыс. л. н.) пещеры Ортвале Клде (Tushabramishvili, 1984; Adler et al, 2008). Получены свидетельства более сложных и осознанных действий по утилизации костного сырья, чем простое употребление мяса и свежего костного мозга (Тушабрамишвили, Ахметгалеева, 2017). На примере технологии раскалывания костей животных от средних к верхнепалеолитическим слоям прослежено сходство используемых технологических приёмов раскалывания коротких и длинных трубчатых костей, использование костных фрагментов в качестве каких-то приспособлений и создание заготовок для костяной индустрии. О последнем свидетельствовали следы продольного раскалывания, негативы вторичных продольных сколов на концевых отделах метаподий, тазовой кости, множество узких продольных сколов и, особенно, наличие подтреугольных сколов с ударной площадкой на торце.

Полагаем, что в условиях пищевого стресса необходимость получения дополнительных пищевых ресурсов привела к развитию технологии производства продольного скола, который на верхнепалеолитическом уровне стал использоваться в качестве основной заготовки в костяной индустрии. В среднепалеолитических слоях Ортвале Клде отмечено серийно повторяемое продольное раскалывание «по идущей трещине». В слое 4d наблюдается первый случай целенаправленного получения продольного скола ударом по торцу концевого отдела метаподии. Серийность продольно расколотых фаланг и концевых отделов метаподий животных размерного класса олень / кавказский тур так же свидетельствует о целенаправленности расщепления для целей, не связанных с добычей костного мозга. В среднепалеолитическом слое 6 были найдены фаланги кавказского тура со следами поперечного пиления в центральной части. В верхнепалеолитических слоях появляется аккуратное раскалывание фаланг по окружности с подработкой кромки, связанное с изготовлением изделий.

Трасологическое изучение некоторых костяных орудий верхнепалеолитических слоёв показало, что характер орудийного набора связан не только и не столько с охотой, сколько с разнообразными домашними работами. Изготавливаются предметы, необходимые в конкретный момент. Набор орудий традиционен для палеолита Южного Кавказа, что не удивительно при сходной локализации в природной среде. Утилизация костного сырья отражает особенности бытования небольших мобильных групп людей.

Список литературы

- Тушабрамишвили Н.Д., Ахметгалеева Н.Б.* Переход от среднего к верхнему палеолиту: новые данные по утилизации костного сырья по материалам пещер Ортвале Клде и Бонди (Южная Грузия) // Археология евразийских степей, № 2, 2017. С. 26–45.
- Adler D.S., Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Tushabramishvili N., Boaretto E., Mercier N., Valladas H., Rink W.J.* Dating the demise: Neanderthal extinction and the establishment of modern humans in the southern Caucasus // *Journal of Human Evolution* 55, 2008.
- Tushabramishvili D.* Paleolithic of Georgia // *Newsletter of the Georgian State Museum*. В. 37. 1984. P. 5–27.

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О «НОЖАХ КОСТЕНКОВСКОГО ТИПА»

Внимание к определенному роду артефактов в археологии возникает по двум причинам: благодаря новым раскопкам или в связи с появлением новых теорий. Особенные категории предметов – наконечник с боковой выемкой и женская статуэтка были выделены П.П. Ефименко после раскопок Костенок I в 1930-е годы. Они сблизили стоянку с памятниками Центральной Европы. В конце 50-х – начале 60-х годов XX века создавалась теория археологических культур, для подтверждения которой стали необходимы типические группы орудий. М.Д. Гвоздовер на примере Авдеево дала описание таких орудий, которые свойственны всем памятникам костенковской культуры – наконечников с выемкой и ножей костенковского типа. Ножи в это время были мало понятны и почти неизвестны. М.Д. Гвоздовер описала их морфологию и отличительные признаки. Масштабные работы 1970–90-х годов на новых участках Костенок I и Авдеево поддерживали интерес к «специфическим» орудиям, но на первый план активно выходила планиграфическая тематика. Положение изменилось в конце 1990-х – начале 2000-х гг., когда наряду с коллекциями Костенок и Авдеево стал накапливаться кремневый материал Зарайской стоянки. Уникальность его основывалась на мощном культурном слое и близких сырьевых источниках окрестностей Зарайска. Последнее обстоятельство заставило исследователей особенно пристально отнестись к оценке общей технологии расщепления и поиску технических приемов создания «ножей костенковского типа» (Бредли, 1997; Гиря, 1997; Giria, Bradley, 1998). Тогда же, публикуя последние материалы работ в Авдеево, М.Д. Гвоздовер дала категориальную и типическую оценку ножам (Гвоздовер, 1997, 1998). Согласно исследователю, «орудия со стесанными концами» являются **категорией** созданной техническим приемом «подтески» с целью утончения рабочего конца орудия. Два основных элемента подтески (площадка и плоские пластинчатые сколы конца) технически связаны друг с другом, а морфологически противостоят один другому. Результатом или целью создания ножей является **тип** или типическая группа, то есть то, что известно под общим названием «ножей костенковского типа». Нож на этом уровне выделения получил целый ряд типологических признаков. Он являлся, по М.Д. Гвоздовер, орудием с намеренно утонченным рабочим концом и специально созданными краевыми и концевым лезвиями. Таким образом, по М.Д. Гвоздовер, категорию создает технологический принцип подтески, а тип - набор морфологических элементов (уплощение конца, подправка края, сработанность лезвия конца) и вариативность их исполнения. Свой взгляд на большую группу ножей Зарайской стоянки был теоретически обоснован Х.А. Амирхановым в 2000-е годы. Категориальной оценки автор не дал,

однако определил ножи как гомогенную группу орудий, созданную по одной костенковской технологии. Согласно ей, площадка на конце пластины нужна и сохраняется как технологический элемент при обработке её краев и ребер. Вариативность формы связана со степенью и особенностью использования ножей (Амирханов, 2000). Базируясь на предложенных Х.А. Амирхановым принципах, исследователи стоянки дали развернутую характеристику ножей. Она основывалась на функциональных и морфологических разработках, которые поддерживаются предложенной технологией, то есть не являются «формально типологическими». Предложенные разработки во многом дополняют выводы М.Д. Гвоздовер, но и противоречат им (Лев, 2009; Лев и др., 2009). Вслед за М.Д. Гвоздовер мы принимаем «орудия со стесанным концом» за категорию, которая имеет два морфологических элемента: усечение конца (площадка) и утончение края (Костенки I). Технологическая связь элементов проявляется в больших выборках. Однако, именно здесь многочисленные признаки разнообразного использования орудий нарушают эти первоначальные технические связи. Сколы уплощения во многих случаях перекрывают сколы усечения площадки. Её регулярная или комбинированная ретушь превосходит необходимость технического элемента, лезвие площадки в половине случаев несет следы сработанности. Морфология орудий дает представление о существовании нескольких рабочих элементов ножей, сочетания в них признаков технологического и функционального начала. В этом сочетании можно видеть типологическую особенность костенковских ножей.

БИФАСЫ И РУБИЛА

Термин «бифас» употребляется как синоним термина «рубило», однако первый из них делает акцент на двусторонней обработке, а второй аналогичен названиям других категорий ашельских орудий, которые выделяются на основе характеристик корпуса и рабочих элементов, связанных с предполагаемым набором функций (чопперы, пики, скребла и т.п.). Именованье рубил бифасами нарушает морфо-функциональный принцип выделения и обозначения основных категорий орудий. Не менее важно, что из-за семантики термина «бифас» его приложение к орудю, признанному индикатором ашееля, может создать искаженное впечатление о том, что двусторонняя обработка также маркирует начало этой эпохи. Однако как частичную, так и полную бифасиальную оббивку можно увидеть уже на чопперах и ядрищах олдована, начиная с наиболее ранних памятников. В ашельское время такая обработка лишь распространяется и технологически усложняется. Существенно также, что преимущественное изготовление рубил путем сплошной двусторонней обработки наиболее характерно для поздней стадии ашееля и для тех областей Западной Европы, и еще ряда регионов, где заготовками были гальки. Их превращение в плоские рубила с выпрямленными лезвиями обычно требовало полного преобразования исходной формы. За пределами территорий классического ашееля, где заготовками рубил служили плитчатые обломки соответствующих габаритов и крупные, но изначально уплощенные отщепы, эти орудия чаще изготавливались путем частичной бифасиальной обработки, а иногда могли быть оформлены даже односторонней оббивкой. Хотя приемы двусторонней обработки наиболее широко применялись для производства рубил, она в той или иной степени использовалась также для оформления других крупных и мелких орудий. Таким образом, при описании всех ашельских орудий, было бы целесообразно выделять и именовать их категории по морфо-функциональному принципу, а затем характеризовать обработку в терминах бифас – частичный бифас – унифас. При подобном подходе наименование как рубил, так и других орудий становится двучленным: например, рубило-бифас и рубило-унифас; скребло-унифас и скребло-частичный бифас; чоппер-бифас и т.д.

Н.С. Березина¹, А.Ю. Березин¹, М.Ш. Галимова², А.А. Гольева³

¹Чувашский государственный институт гуманитарных наук. Чебоксары, Россия
terra3@inbox.ru

²Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан. Казань, Россия
mgalimova@yandex.ru

³Институт географии РАН. Москва, Россия
alexandragolyeva@rambler.ru

НОВЫЕ ДАННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЙ СТОЯНКИ ФИНАЛЬНОГО ПАЛЕОЛИТА ШОЛМА I НА СРЕДНЕЙ ВОЛГЕ (РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК 2017 И ДАТИРОВАНИЯ)

Стоянка Шолма I расположена в северной части Приволжской возвышенности на р. Малый Цивиль (Республика Чувашия), у южного склона антиклинального поднятия, сложенного верхнепермскими породами, покровными лессами и суглинками. Исследованиями 2007–2017 гг. изучен культурный слой в отложениях со следами криогенеза (57 кв. м). Проведены геолого-геоморфологическое, минералого-петрографическое, палеофаунистическое, палеопочвенное исследования, а также анализ малакофауны и технологическое и трасологическое изучение инвентаря. Расположение стоянки на выходах кремня обусловило находки многочисленного дебитажа и представительного инвентаря (более 15 тысяч артефактов). Расщепление велось с помощью пластинчатой технологии. Среди орудий выделены концевые и округлые скребки, ретушные и угловые резцы, скребла с выпуклыми краями, зубчато-выемчатые скобели, низкие трапеции на пластинах – вкладыши метательного оружия, изделия из кости. Было предположено следующее: бытование стоянки финального палеолита в период потепления Аллерёд; культурный слой был перекрыт лёссами Дриаса III; сходство инвентаря и основного объекта охоты (лошади) с таковыми из стоянки финального палеолита Рогалик ПА на юго-востоке Украины (Березина и др., 2009; Гугалинская и др., 2010).

Целью раскопок 2017 года был поиск фаунистических находок для датирования культурного слоя*

По костям лошади из раскопа были получены AMS-даты в Университете Оттавы: 10838–10717 Cal BC (95,4%) (УОС-8154) и 11131–10846 Cal BC (95,4%) (УОС-8155), что подтвердило финальнопалеолитический возраст памятника.

Наиболее близким по условиям расположения и возрасту является могильник Гора Маяк в Самарском Заволжье, исследованный Д.А. Сташенковым, А.Ф. Кочкиной и Л.В. Кузнецовой и

* Авторы благодарят д.и.н. А.Г. Ситдикова (Казань) и к.б.н. Е.В. Пономаренко (Оттава) за содействие в осуществлении радиоуглеродного датирования.

отнесенный по результатам палеогеографических исследований и С-14 датирования к аллередскому потеплению (11,9–10,3 тыс. л.н.) (Кузнецова, Пономаренко, 2003).

Анализ на содержание валового фосфора и микробиоморф из раскопа 2017 г. (18 образцов) показал, что количество валового фосфора в гумусированных слоях заметно увеличено (0,15%) по сравнению с ниже- и вышележащими лессами (0,09). Относительно высокое содержание фосфора отмечено в гумусированном пятне из культурного слоя (0,14%). Анализ микробиоморф показал малое количество фитолитов, а также наличие в образцах форм, характерных для тростника и спикулы губок, что говорит об отсутствии длительной стабильной поверхности и формировании отложений за счет регулярных речных наносов. Ранее из образцов «шолминской» почвы и культурного слоя были извлечены остатки моллюсков *Vallonia costata* (Mull.), обитающих во влажных местах. Полученные данные подтверждают ранее выдвинутые предположения о формировании «шолминской» почвы и слоя стоянки на ней в период сравнительно теплого и влажного климата в рамках позднеледниковья. В этот благоприятный период в долине р. Цивиль проживали охотники на крупных травоядных – лошадей и бизонов.

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНОЙ АТРИБУЦИИ I СЛОЯ КОСТЁНОК 17

Культурная атрибуция верхнего (I) культурного слоя Костёнок 17, представленного относительно небольшой коллекцией с широко распространёнными формами изделий (Борисковский и др., 1982), остается дискуссионной. В литературе допускалось возможное отнесение данной индустрии к городцовской культуре (Синицын, 1982), хотя это предположение строилось скорее на негативных признаках (отсутствие в инвентаре граветтских и ориньякских элементов) и стратиграфическом положении культурного слоя в верхней гумусированной толще (ВГТ). Отдельные типы орудий схожи с таковыми в ориньякских стоянках (Bataille, 2013), однако они весьма малочисленны.

Начало нового этапа полевых работ на памятнике (2017–2019 гг.) закономерно поспособствовало постановке новых проблем, а не разрешению старых. Во-первых, возник вопрос о гомогенности материала, происходящего из ВГТ (т.е. коллекции I слоя по П.И. Борисковскому). Благодаря возросшей мощности отложений верхнего гумуса (0,8–1,1 м в раскопе 1955 г. против 1,7–1,9 м в раскопе 2017–2019 гг.), стало очевидно, что горизонты находок ВГТ четко отделяются стерильными прослойками и соответствуют различным эпизодам посещения стоянки и/или смещения находок в результате склоновых процессов. Был сделан вывод, что с «классическим» I слоем П.И. Борисковского стоит ассоциировать находки, преимущественно залегающие в погребенной почве между двумя верхними гумусированными прослойками ВГТ (Бессуднов и др., 2018). Таким образом, предположение о неоднородности верхнего культурного слоя, высказанное в ходе последних работ Н.Д. Праслова (Борисковский и др., 1981), подтверждается, а опубликованную коллекцию I слоя (Борисковский, 1963) нельзя считать гомогенной и стоит подвергнуть пересмотру.

Другая проблема заключается в пространственной неоднородности материала, залегающего между первой и второй прослойками ВГТ. Работами 2019 г. на юго-востоке исследованной площади был обнаружен участок, отличающийся от I слоя структурно, по составу находок и сырьевой базе, обозначенный как Ia. Вокруг небольшого кострища зафиксировано скопление преимущественно отщепов и чешуек цветного коричневого кремня; необычным для I слоя являются находки двух скребел, изготовленных из того же качественного коричневого кремня. На данный момент стратиграфически разделить слои I и Ia невозможно. Является ли это скопление самостоятельным горизонтом находок или относится к основному (I) культурному слою? – однозначно ответить пока нельзя.

Таким образом, вопрос о культурной принадлежности материала I слоя Костёнок 17 на сегодняшний день, как и 60 лет назад, остаётся открытым. В независимости от гомогенности коллекции, происходящей из погребенной почвы между двумя верхними прослойками ВГТ, можно лишь определённо утверждать, что она не относится к граветтскому кругу памятников. Для более конкретных выводов требуется пополнение коллекции, детальный анализ каменного инвентаря и его пространственного распределения.

Исследование проведено в рамках проекта РНФ № 18-78-00136.

**А.Н. Бессуднов¹, А.А. Бессуднов², Я.В. Кузьмин³, М. Бодэн⁴,
Е.Ю. Захарова⁵, Н.Д. Бурова², А.М. Родионов⁶**

¹ Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского. Липецк, Россия
bessudnov_an@mail.ru

²Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург, Россия
bessudnov_a22@mail.ru

³Томский государственный университет, Томск.
Институт геологии и минералогии СО РАН, Новосибирск. Россия
kuzmin@fulbrightmail.org

⁴Королевский институт культурного наследия. Брюссель, Бельгия.
mathieu.boudin@kikirpa.be

⁵Воронежский государственный университет. Воронеж, Россия.
ez@hist.vsu.ru

⁶Археологический музей-заповедник «Дивногорье». Воронеж, Россия.
rodionanton@yandex.ru

РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕЙ ПОРЫ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА В ДИВНОГОРЬЕ: ПРОБЛЕМА МЕТОДА, СТРАТИГРАФИИ ИЛИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ?

На сегодняшний день Дивногорские позднепалеолитические памятники являются одними из наиболее обеспеченных данными естественнонаучных методов в центральной части Русской равнины. Четкая стратиграфическая последовательность отложений в Дивногорье 9 с несколькими костеносными уровнями и разделяющими их стерильными прослойками, образовавшимися в относительно непродолжительный промежуток времени, являются хорошим плацдармом для проверки возможностей радиоуглеродного метода датирования.

Для сложного геoarхеологического объекта Дивногорье 9 имеется серия из 45 радиоуглеродных дат, полученных в трёх сцинтилляционных (ЛЕ, ГИН, ИГАН) и трёх AMS-лабораториях (AA, NSKA, RICH). Большая их часть сделана по костям лошадей из костеносных уровней 1–6. Время образования скоплений костей в Дивногорье 9 укладывается в промежуток от ~14,5 до ~13 тыс. ¹⁴С л. н., хотя, судя по стратиграфии, этот временной отрезок мог быть намного меньшим (от десятков до сотен лет). Вместе с тем, независимо от метода и лаборатории, каждая серия имеет даты с большим доверительным интервалом и/или явно «выпадающие» из общей хроностратиграфии памятника. Как показал опыт, это не связано ни с методикой отбора образцов (сборные образцы или от одного организма), ни со специализацией отбиравшего их исследователя. В зави-

симости от вариантов интерпретации данных радиоуглеродного датирования и механизмов образования костеносных горизонтов, на данный момент этому существует несколько объяснений:

1) Принимаются все даты – в этом случае получается, что объект формировался в течение длительного времени (от ~14,5 до ~11,5 тыс. ^{14}C л.н., даже если не учитывать явно омоложенные даты NSKA голоценового возраста), а образование костеносных уровней является результатом многократного переотложения костей из одного источника. Такое объяснение противоречит стратиграфическим, палеопедологическим, археологическим и, отчасти, палеозоологическим данным, и не может быть принято.

2) Большие доверительные интервалы и «отскоки» в датах могут объясняться несовершенством методики очистки образцов и погрешностями в лабораторной обработке. Следует принять во внимание, что большинство датированных костей сильно кальцинированы и имеют низкое содержание коллагена. Такая интерпретация не исключается, однако не может быть применена ко всем датировкам и лабораториям в равной степени.

3) Учитывая, что мы располагаем данными об относительно коротком отрезке времени, за который были сформированы все костеносные слои, можно предположить, что инверсии в датах для каждого из них могут быть объяснены неспособностью радиоуглеродного метода предельно точно определять возраст непродолжительных и близких друг от друга событий. По мнению авторов, предложенная интерпретация является наиболее приемлемой на настоящий момент, однако, считаем при этом, что детального объяснения требует каждая конкретная дата.

Исследование проведено в рамках проектов РФФИ № №18-39-20009, 18-00-00837 и 18-49-480007, а также в ходе выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0001.

РЕЗУЛЬТАТЫ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ОСТЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА БЫКИ 7

В ходе первых лет изучения остеологической коллекции памятника поздней поры верхнего палеолита Быки-7 было отмечено, что наибольшее количество остатков принадлежит дикой лошади и северному оленю. Последующие исследования показали преобладание костей пушных зверей. Это отличает Быки-7 как от более ранних хронологически стоянок Курского Посеймья (Авдеево, Пены, Октябрьское 2), так и более поздних памятников (Юдиново, Елисеевичи, Тимоновка, Межиричи и др.) Днепро-Деснинского региона, в фаунистических коллекциях которых доминируют остатки мамонта.

С 2000 по 2018 гг. в пяти культурных слоях стоянки Быки-7 было найдено 3947 костных остатков крупных млекопитающих. В данной работе анализируется остеологическая коллекция из четырех слоев (II, I, Ib и Ia). При этом следует учитывать не равнозначность размеров вскрытой площади разных слоёв.

Фаунистический состав стоянки насчитывает 10 видов млекопитающих из пяти отрядов (зайцеобразные, хищные, хоботные, непарнокопытные и парнокопытные). Во всех слоях (за исключением слоя Ib) преобладают остатки зайца и песка, далее по численности следуют дикая лошадь и северный олень, кости других животных найдены в малом количестве. Наибольшее количество костей обнаружено в самых исследованных слоях I и Ia. Численность остатков почти по всем видам млекопитающих возрастает от нижних к верхним слоям.

По зооархеологическим данным и анализу ростовых слоёв в цементе и дентине зубов лошадей были сделаны предварительные заключения о сезоне обитания человека в период образования слоя I, который приходится на конец зимы – начало весны, для слоя Ib – это осень – зима, а для слоя Ia – весна – лето.

Формирование культурных слоёв памятника в средней и верхней пачке лёссовидного суглинки приходилось на время связанное с процессами деградации и полного исчезновения многолетней мерзлоты. Можно предположить, что территория Посеймья в этот период была крайне нестабильна и вместе с изменениями растительного покрова в округе, скорее всего, уменьшалась численность крупных животных. В свою очередь, это привело к тому, что небольшие группы древних людей, которые периодически приходили на эту территорию охотились в основном

на более доступных в это время пушных зверей. Это хорошо соотносится с найденными на памятнике многочисленными треугольными микролитами с функцией наконечников стрел наиболее подходящих орудий охоты на животных среднего размера, то есть зайцев и песцов.

МЕТОДИКА РАСКОПОК ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК ОТКРЫТОГО ТИПА В РОССИИ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

1. Х.А. Амирханов относится к тем редким археологам, которые не только обогатили науку выдающимися открытиями в поле, но и сумели разработать и применить оригинальную методику изучения культурного слоя. Цель доклада – охарактеризовать вклад юбиляра в развитие методов раскопок стоянок открытого типа в нашей стране и обсудить некоторые актуальные проблемы изучения верхнепалеолитических памятников.

2. В свое время в работах П.И. Борисковского и А.Н. Рогачева были сформулированы основные принципы подхода к раскопкам, ставшие стандартами в практике отечественной археологии. Они включали одновременное вскрытие культурного слоя на широкой площади, сохранение находок на останцах, поквартную фиксацию вещей, и применение натурального разреза к отдельным объектам слоя (очагам, ямам, жилищам) вне связи с общей стратиграфической картиной, фиксируемой по стенкам раскопа.

3. В рамках масштабных новострочных работ, проводившихся в Сибири в 1960–1980е гг., подобная методика широко применялась для исследования стоянок с тонкими культурными слоями, залегающих в слоистых отложениях аллювиального и эолового генезиса. При таком подходе зачастую на одном плане оказывались смешаны находки, относящиеся к разным горизонтам залегания. Ситуацию удалось переломить Е.М. Инешину и А.В. Тетенькину, которые при раскопках стоянки Большой Якорь I применили тактику поквартного вскрытия слоя с частым профилированием и индивидуальной привязкой находок.

4. Что касается стоянок с культурными слоями, залегающими в покровных и склоновых отложениях, то решающий вклад в становление современной методики внесла Н.Б. Леонова. При раскопках на Каменной Балке II работа была построена на сочетании микростратиграфического анализа (позволившего при помощи серии профилей идентифицировать горизонты обитания и реконструировать палеорельеф) с планиграфией и монтажом.

5. Сложнее обстоит дело с изучением жилых площадок костенковско-авдеевской культуры. Печальный опыт незавершенных раскопок второго комплекса верхнего культурного слоя стоянки Костенки I показал бесперспективность тактики одновременного вскрытия широких площадей. Интересное направление усовершенствования методики с упором на микростратиграфию было предложено М.Д. Гвоздовер и Г.П. Григорьевым. К сожалению, результаты многолетних раскопок в Авдеево остались практически не освещенными в печати. Работы Х.А. Амирханова

в Зарайске стали поворотным моментом в изучении площадок костенковско-авдеевского типа. Благодаря применению сложной системы стратиграфических бровок и канавок в пределах небольших по площади раскопов (вероятно, здесь сказался многолетний опыт работ Х.А. Амирханова в памятниках пещерного типа) удалось выявить несколько этапов функционирования поселения.

6. Наибольшую трудность представляет изучение стоянок с мощными скоплениями бивней и костей мамонта, традиционно интерпретируемых как следы долговременных жилищ. Демонстрируемые в музее-павильоне остатки костяных конструкций на стоянке Юдиново показывают, что объекты были сооружены поверх культурного слоя. Без натурального разреза неясны ни динамика накопления слоя, ни соотношение основного скопления и окружающих ям. Разработка методики исследования памятников такого рода остается задачей ближайшего времени.

ДМАНИССКИЙ ГОМИНИД, МОРФОЛОГИЯ И ТАКСОНОМИЯ

Угловая морфометрия показала, что форма мозговой коробки черепа Дманиси 2700 сходна с африканскими черепами *Homo ergaster*. Это выражается в сходстве угловых характеристик затылочной части черепа и в высоте мозговой коробки. Лицевой скелет Дманиси 2700 по своей форме оказался сходен с таковым у Кооби Фора 3883, в основном это связано с относительно массивной скуловой костью, высокой орбитой и зауженной шириной лица в области орбит. Кроме того, отмечается сходство в строении лицевого отдела по ряду признаков лицевого скелета с Хоббитом с острова Флорес. Это выражается в широтных размерах лица на верхнем и среднем уровнях. Сравнительный анализ по краниометрическим характеристикам дманисских черепов с находками из Кооби Фора и Западной Турканы показывает некоторое их сходство с африканскими эректоидными формами и даже с более ранними *Homo habilis* (KNM ER 1813) и *Homo rudolfensis* (KNM ER 1470). Так, например, нижняя челюсть D 2735 по общим размерам и морфологическим особенностям довольно близко сочетается с нижней челюстью из Нариокатоме III (KNM WT 15000). Вид в профиль черепа D 2700 напоминает ER 1813, схожи они также относительно небольшой глубиной неба и резким заорбитным сужением лобной кости. Грушевидное отверстие сходно по форме, но меньше по размерам, чем таковое у ER 3733. Орбитный указатель близок к таковому у ER 1470. Ряд других морфологических характеристик, также указывает на близость дманисских гоминид с африканскими.

Откуда же пришел столь древний человек на территорию Кавказа? Вероятнее всего, путь его лежал через Ближний Восток и Переднюю Азию из колыбели всего человечества – Восточной Африки. Действительно, в интервале от 2 до 1,5 млн. лет тому назад на Африканском континенте ход гоминидной эволюции привел к формированию человека нового типа – *Homo ergaster* (человек работающий). Это были люди, имевшие объем мозга около 700–900 см³. Именно в этот временной интервал человек впервые выходит за пределы Африканского континента. И наиболее правдоподобным кажется восточный путь миграции. Перемещаясь по южной части Евразии, древнейший человек, видимо, делал попытки пробраться и на север. Одним из таких путей на север Евразии и является Кавказский перешеек, дающий возможность пройти между Каспийским и Черным морями. Останки дманисского человека подтверждают предположение о первичности восточного пути миграции.

МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ НИЖНЕГО ПАЛЕОЛИТА ГОЛОВЧИНЦЫ-1 В БАССЕЙНЕ ЮЖНОГО БУГА (УКРАИНА, ХМЕЛЬНИЦКАЯ ОБЛАСТЬ)

Местонахождение Головчинцы-1 находится на территории Головчинецкого гранитного карьера, на левом берегу Южного Буга, в 1,3 км к северу от с. Головчинцы Летичевского района Хмельницкой области. Памятник был выявлен В.С. Ветровым в 2015 г.

В 2016 исследования на местонахождении Головчинцы-1 были возобновлены. В 10 м к западу от зачистки 2015 г была сделана врезка в борт вскрыши карьера, площадью 2 м². В процессе работ было проведено углубление врезки на 2 м. Были зафиксированы два культуросодержащих горизонта. В первом горизонте было найдено 14 артефактов, среди которых 3 чоппера и кремневые сколы с отсеченными кромками и краевой оббивкой. Прочие артефакты: сколы, фрагменты сырья с признаками дробления и ретушью утилизации. Также были зафиксированы 42 геофакта – кремневые, кварцевые гальки, обломки гранита и кварца. Между первым и вторым культуросодержащими горизонтами был небольшой, практически стерильный слой в 5 см.

Второй культуросодержащий горизонт насчитывал 551 находку, среди которых 208 артефактов и 343 геофакта. Среди артефактов 52 чоппера, 3 атипичных острия на кремневых отщепках, 4 зубчато-выемчатых орудия, 15 отщепов и сколов с ретушью. 218 артефактов – сколы, продукты дробления. По результатам камеральной обработки найдено 6 ремонтных связей. Технотипологический анализ материалов двух верхних культуросодержащих горизонтов подтвердил правомерность отнесения местонахождение Головчинцы-1 к галечно-отщеповой индустрии оловчанского типа.

20–25 мая 2017 г. на местонахождении Головчинцы-1 состоялся полевой межведомственный семинар, при участии специалистов Института археологии НАН Украины, Института географии НАН Украины, Украинского государственного геологоразведочного института и Государственного историко-культурного заповедника «Межибож». Семинар проводился на базе Нижнепалеолитической экспедиции Института археологии НАН Украина. В пресс-релизе семинара было подчеркнуто, что «каменные орудия на местонахождении Головчинцы-1 найдены в ископаемых почвах широкинского этапа (и непосредственно древних фациях), которые формировались не менее 900–1200 тыс. лет назад. Такой древний возраст согласуется с геоморфологическим положением местонахождения Головчинцы-1, расположенного вблизи внешней границы древней четвертичной террасы Южного Буга, где рельеф сформировался в эпоху эоплейстоцена или позднем плиоцене».

ГЕОМЕТРИЧЕСКИЕ МИКРОЛИТЫ В ИНВЕНТАРЕ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК КАМЕННОЙ БАЛКИ

Вкладышевые орудия геометрической формы на памятниках Нижнего Подонья представлены с конца верхнепалеолитической эпохи. Их присутствие является важным культурным и хронологическим признаком для индустрий конца верхнего палеолита в ряде регионов. В докладе рассматриваются вопросы выделения геометрических форм в индустриях Каменной Балки II, их разнообразии и отражение этой специфики в планиграфии. Исходя из классической характеристики геометрических микролитов таковыми в культурных слоях Каменной Балки II можно считать лишь небольшую, но устойчивую серию предметов четырехугольной формы. Наиболее ярко они представлены во 2 (основном) культурном слое памятника. В материалах 1 культурного слоя Каменной Балки II не прослеживается дальнейшее развитие геометрической микролитизации, уменьшается доля микропластинок с притупленным краем.

Аналогичная ситуация с геометрическими орудиями присутствует в материалах стоянки Третий Мыс, где во 2 культурном слое прослеживаются схожие с каменнобалковскими типы геометрических микролитов, которые в позднем культурном слое представлены единично. Анализ геометрических орудий не позволяет сделать вывод о преемственности индустрий культурных слоев стоянок балки Каменной. Вероятно, в период 16000–14000 лет до н. э. в Нижнем Подонье сложились оптимальные условия для длительного пребывания коллективов людей на стоянках, что выразилось в наибольшем разнообразии каменного инвентаря и появлении определенных форм геометрических микролитов.

ИССЛЕДОВАНИЕ РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА В ЦЕНТРАЛЬНОМ КАЗАХСТАНЕ

Наши знания о раннем палеолите в регионе основаны большей частью на изучении археологического материала с открытых местонахождений. В геологическом разрезе Батпак архаичные артефакты из кварца и метаморфизированного кварцита получены из отрицательно намагниченных отложений свиты Нижняя Актасты (Волошин, 1990, 1995). Сейчас возраст этой свиты, а также свиты Верхняя Актасты, следует пересмотреть в сторону удревнения. Преимущественно прямо намагниченные породы двух верхних плотных и тяжёлых тёмнокоричневых почв Актастинского ПК следует сопоставлять с эпизодом Олдувай (1,95–1,77 млн. л. н.), а расположенный ниже этих почв прямо намагниченный интервал – с эпизодом Реюньон (2,14 млн. л. н.). Спорво-пыльцевой спектр из расположенной ещё ниже (в основании Актастинского ПК) луговой почвы указывает на значительную увлажнённость климата (доминирует пыльца фиалковых, много спор зелёных мхов, водорослей, есть ель, дуб, вяз, граб и сосна). В балочном аллювии из нижней части свиты Нижняя Актасты обнаружены свидетельства похолодания климата (пыльца ели, споры зелёных мхов, криогенные трещины). В базальном горизонте свиты вместе с артефактами найдены зубы *Hipparion hippidioidus*, представителя типичных степей, поздняя форма которого в Азии доживает до позднего плиоцена (Жегалло, 1978). Таким образом, наиболее вероятным сейчас представляется отнесение артефактов из основания свиты Нижняя Актасты к низам эпохи Матуяма (2,6–2,3 млн.л.н.).

Археологический материал раннего палеолита из поверхностных собраний в регионе можно разделить на три культурно-типологические группы: олдованскую галечную культуру (Музбель, Обалысан, Жуан-Тюбе и т.д.), ранне-ашельскую культуру с крупными остроконечными орудиями, кливерами, крупными отщепами и без техники леваллуа (Ак-Кошкар 1, Талдыозек, Улькен-Кундузды и т.д.) и развитую (позднюю) ашельскую культуру с бифасами и техникой леваллуа (Вишнёвка 3, Жаман-Айбат 4, Койтас 4 и т.д.). В Музбеле и Жуан-Тюбе галечная культура представлена несколькими хронологическими сериями эолово коррадированных кварцитовых артефактов.

ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ И ХРОНОЛОГИИ НЕОЛИТА СЕВЕРНОГО ПРИКАСПИЯ

Среди многоплановых интересов юбиляра не остался без внимания и регион Нижнего Поволжья, в котором исследователем был выделен Североприкаспийский очаг культурогенеза (Амирханов, 1990). При несомненных достижениях за 30-летний период изысканий остается ряд аспектов, которые предполагают дальнейшую разработку. Для неолита было обосновано два периода развития: ранний (каиршакский тип) и поздний (тентексорский тип). Судя по многочисленным радиоуглеродным датам нижняя граница первых установлена в 6200 лет BC. Наиболее архаичные комплексы, содержащие мезолитические реминисценции, фиксируются на 6500 BC. Памятники с интервалом 6400–6300 BC отсутствуют, что связано с аридизацией. В тоже время, для мезолитических памятников жеколганского типа получены значения 8200 и 6300 BC, что установило достаточно длительный хроноинтервал их существования. Если верхняя дата валидна, то допустимо предположение о сосуществовании в рамках 6500–6200 BC групп населения без керамики и с наиболее древней посудой. Следует учесть, что вторая мезолитическая группа (истайская) имеет более поздние типологические признаки по сравнению с жеколганской. Есть признаки сосуществования позднежеколганских и истайских групп. Это не исключает возможности ее доживания до вышеопределенных временных рамок. В таком случае период 6500–6200 BC допустимо определять как переходный от позднего мезолита к раннему неолиту.

Одним из наиболее проблемных вопросов оставалось культурно-хронологическое соотношение каиршакских и тентексорских комплексов. Их периодизационное соотношение подтверждено значительной серией радиоуглеродных дат: 6200–5900 и 5900–5500 лет BC. Исследование стоянки Байбек (Гречкина, Выборнов, Кутуков, 2014) выявило наличие переходных типов керамики от каиршакской к тентексорской, что подтверждает их культурное единство.

Верхняя граница тентексорских комплексов (5500 BC) пересекается с датами ранних материалов прикаспийской культуры. Ее энеолитический характер, за отсутствием признаков металлообработки, спорен. В тоже время, прослеживаются изменения технологии изготовления орудий труда, что свидетельствует о новой периодизационной принадлежности. Иначе говоря, вполне приемлемо предположить выделение переходного периода от позднего неолита к раннему энеолиту на интересующей территории.

Таким образом, подтверждается положение Х.А. Амирханова о своеобразии Североприкаспийского очага культурогенеза.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПЕРВОБЫТНОГО ИСКУССТВА ИЗ РАСКОПОК СТОЯНКИ ХОТЫЛЁВО 2, ПУНКТ В

Раскопки, проводившиеся на участке пункта В верхнепалеолитической стоянки Хотылёво 2, привели к обнаружению в 2005, 2009, 2016 и 2018/2019 гг. нескольких памятников первобытного искусства – лопаточки из ребра мамонта, двойной женской статуэтки, вырезанной из мела, бивнёвой фигурки беременной женщины и орнаментированной костяной поделки с треугольным навершием. Сопоставление условий нахождения произведений искусства малых форм в культурном слое позволяет более резко подчеркнуть разницу между северным и южным комплексами археологических объектов, зафиксированных в раскопах А–В. Обе антропоморфных статуэтки, а также костяная поделка с навершием были найдены в северном комплексе, тогда как в южном – лишь один предмет, лопаточка. Кроме того, анализ стратиграфической позиции рассматриваемых предметов показал, что те изделия, у которых имеются те или иные черты, позволяющие сопоставить их с некоторыми проявлениями традиций костёнковско-авдеевской археологической культуры, в рамках северного комплекса характеризуются относительно поздним, по сравнению с бивнёвой женской статуэткой, выполненной в классической хотылёвской манере, положением. Однако эта стратиграфическая разница проявляется в рамках одного и того же комплекса объектов, имеющего сложную пространственную структуру.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ПЕЩЕРНОГО КОМПЛЕКСА АФСАТИ ЛАГАТ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ

Памятник открыт и изучается с 1981 г. До 1997 года исследования проводились в верхних залах комплекса – пещере Ласок (Мыштулагты лагат; Weasel cave), а затем и в обнаруженных погребенных залах нижележащего этажа – Зале Сонь (Фынайганджыты-уат; Dormouse Hall). Залы нескольких уровней пещерного комплекса, с разрушенными в разной степени сводами, примыкают к раскапываемым залам с Севера и Юга.

Осадконакопление в разных частях комплекса в силу особенностей воздействия природных факторов и разной интенсивности обитания происходило крайне неравномерно, что отразилось в большей мощности и дробности культурных отложений, представленных в Зале Сонь (раскопана небольшая часть привходовой площадки до сл.12 включительно). Отложения нижнего, из пока открытых, залов пещеры Ласок изучены на небольшой площади до слоя 36 на глубине -33,33 м. от «0» репера. Дно не достигнуто. В нижней пачке отложений зафиксировано чередование вулканических пеплов и культурных слоёв мустье до сл. 22 и ашеля в нижележащей толще. Всего 10 вулканогенных слоёв. Вулканический пепел сл.18 датируется по $Ar^{39/40}$ 220 тыс. лет. Серия дат ^{14}C и AMS для верхних мустьерских слоёв (сл. 4–6) в диапазоне от 27000 до 47000 у.б.р. Данные, полученные в результате исследований методами естественных наук, позволяют сопоставить отложения с климатическими ритмами плейстоцена, периодами вулканической и неотектонической активности.

Наблюдается зависимость интенсивности и характера использования тех или иных частей пещеры (охотничьи биваки, кратковременные стоянки и долговременные поселения) от климатических и сезонных факторов. Индустрии верхней и средней пачек отложений находят параллели в памятниках мустье Загросского типа Закавказья, Ирана и сопредельных территорий. Небольшие пока коллекции нижних мустьерских слоев 15–21 отличаются от вышележащих более ярко выраженной пластинчатостью.

Технико-морфологический, функционально-трассологический и комбинаторный анализы значительного числа каменных изделий из разных мустьерских слоев и горизонтов (сл. 4–21) позволили выявить устойчивые приемы, особенности целеполагания и производственной деятельности их изготовителей на разных стадиях производства орудий и их использования.

АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ПОСЕЛЕНИИ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА АНЕТОВКА 2

Анетовка 2 – верхнепалеолитический памятник охотников на бизонов, который находится в Северном Причерноморье, в степном Побужье, на берегу реки Бакшалы (притока Южного Буга). Памятник существовал в период максимума последнего оледенения (18–19 тыс. лет назад). Кремневая индустрия носит яркие эпиграветтские черты. С 1992 г. работы велись на северо-восточном производственном участке поселения.

Среди множества находок присутствуют и изделия первобытного искусства, такие как зооморфные и антропоморфные фигурки. На сегодняшний день, к антропоморфным изображениям отнесено не менее 10 предметов мобильного искусства: скульптуры из разных пород камня (твёрдого и мягкого) и кости. Найдены такие предметы в целом или фрагментированном виде. Они представляют собой изображения фигуры, бюста, или головы антропоморфа. Исполнены скульптуры с помощью разных приёмов: гравировка, резьба, шлифовка, сверление, вырезание, выемка зёрен кварца для изображения глаз и рта. Для их изготовления использовались камни как мягких, так и твёрдых пород: каолин, песчаник, глинистые стяжения, жильный кварц.

На поселении найдены две антропоморфные фигурки, изображающих женщин, изготовленные из кости и карпатской гальки. Первая – довольно крупного размера (до 14 см длиной), изготовлена из лопатки бизона. Полностью переданы общие очертания фигуры (голова, туловище, ноги). Черты лица отсутствуют. На изделии наблюдаются залощенность сохранившихся краёв. Вторая стилизованная фигурка, размером около 4 см, изготовлена из удлиненной стержневидной карпатской гальки. Выделена рука, опущенная вдоль туловища и большой живот.

Очень интересно изображение фигурки человека без признаков пола, изготовленное из глинистого стяжения. Выделены голова, туловище, ноги, лицо не проработано. Сверху фигурки просверлено отверстие для подвешивания.

Большинство антропоморфных поделок представлено в виде изображений голов (лиц). Для них часто характерна тщательная проработка черт лица (глаза, нос, рот). Возможно, что население, обитавшее на памятнике, изображало как конкретных людей, так и абстрактного человека (например – образ предка). Лица изображались на подходящих округлых камешках. В одном случае изображение лица передано гравировкой на небольшой округлой гальке песчаника.

Находки в культурном слое Анетовки 2 предметов первобытного искусства заполняют своеобразную хронологическую и географическую лауну в истории первобытной культуры, существовавшую до сих пор в степной зоне Северного Причерноморья.

ПАМЯТНИКИ С МАТЕРИАЛАМИ КУЛЬТУРЫ БРОМЕ-ЛИНГБИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКОЙ ЧАСТИ БАССЕЙНА РЕКИ НЕМАН

На территории верхнего и белорусской части среднего течений р. Неман в литературе упоминается от 2 до 9 памятников с материалами культуры бромме-лингби (Абухоўскі 2003; Калечыц и др. 2010; Синицина 2011). Это стоянки Кавальцы-1, 2, 4; Красносельский-5, 6; Баля Сольная-2; Воля (?); Жукевичи-2; Жиличи-1в (рис. 1)¹. Отнесение их к данной культурной единице, происходило путем технико-типологического анализа артефактов и проведения аналогий с кремневым инвентарем из территории Западной Европы, Украины и России (Абухоўскі 2003: 183; Калечыц 2010: 42; Синицина 2011: 159). Аналогично проводилась и датировка материалов, хотя в некоторых случаях использовались данные геоморфологии (Чарняўскі 1997: 34). Но при некотором дополнительном анализе источников, является ряд вопросов к информации, представленной в научной литературе, например, отсутствие культурно-определяющих форм в коллекциях или смешанный ее характер. Выходом из данной ситуации видится пересмотр данных коллекций, их систематический анализ, а также проведение дополнительных полевых исследований (Гаршкоў 2019).

Изучив некоторые материалы из фондов Института истории НАН Беларуси, Гродненского государственного историко-археологического музея и опубликованные данные, можно прийти к следующим выводам:

- все вышеназванные памятники имеют поликультурный характер. А в коллекциях памятников Баля Сольная-2 и Воля материалы культуры бромме-лингби вообще отсутствуют.
- кроме всех этих памятников, выделяются единичные находки либо единичное присутствие в коллекциях наконечников или других элементов характерных для культуры бромме-лингби.

Список литературы

Абухоўскі, В.С. Засяленне тэрыторыі Беларускага Панямоння ў Х–V тыс. да н.э. // Культура Гродзенскага рэгіёна: праблемы развіцця ва ўмовах поліэтнічнага сумежжа: навук. Гродна: ГрДУ, 2003. С. 182–188.

Гаршкоў, А.Д. Крамянёвыя інвентар са стаянкі Кавальцы-2 Гродзенскага раёна Гродзенскай вобласці (па матэрыялах даследаванняў 1982 г.). // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 30. Даследаванне беларускіх старажытнасцей. Мінск: Беларуская навука, 2019. С. 182–190.

¹ Список памятников указан по книге А.Г. Калечиц, Е.В. Колосова, В.С. Обуховского Палеолитические памятники Беларуси: культурно-хронологическая идентификация источников (Калечыц и др. 2010)

- Калечыц, А.Г.* Палеалітычныя помнікі Беларусі: (культурна-храналагічная ідэтыфікацыя крыніц).
Мінск: Беларуская навука, 2010. 323 с.
- Синицина, Г.В.* О миграциях и автохтонном развитии культур финального палеолита на северо-западе русской равнины // Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном (культурно-исторические процессы). Санкт-Петербург, 2013. С. 152–172
- Чарняўскі, М.М.* Помнікі лінгбійскай культуры // Археалогія Беларусі: У 4 т. Т. 1. Каменны і бронзавы вякі. Мінск.: “Беларуская навука”, 1997. С. 31–35.

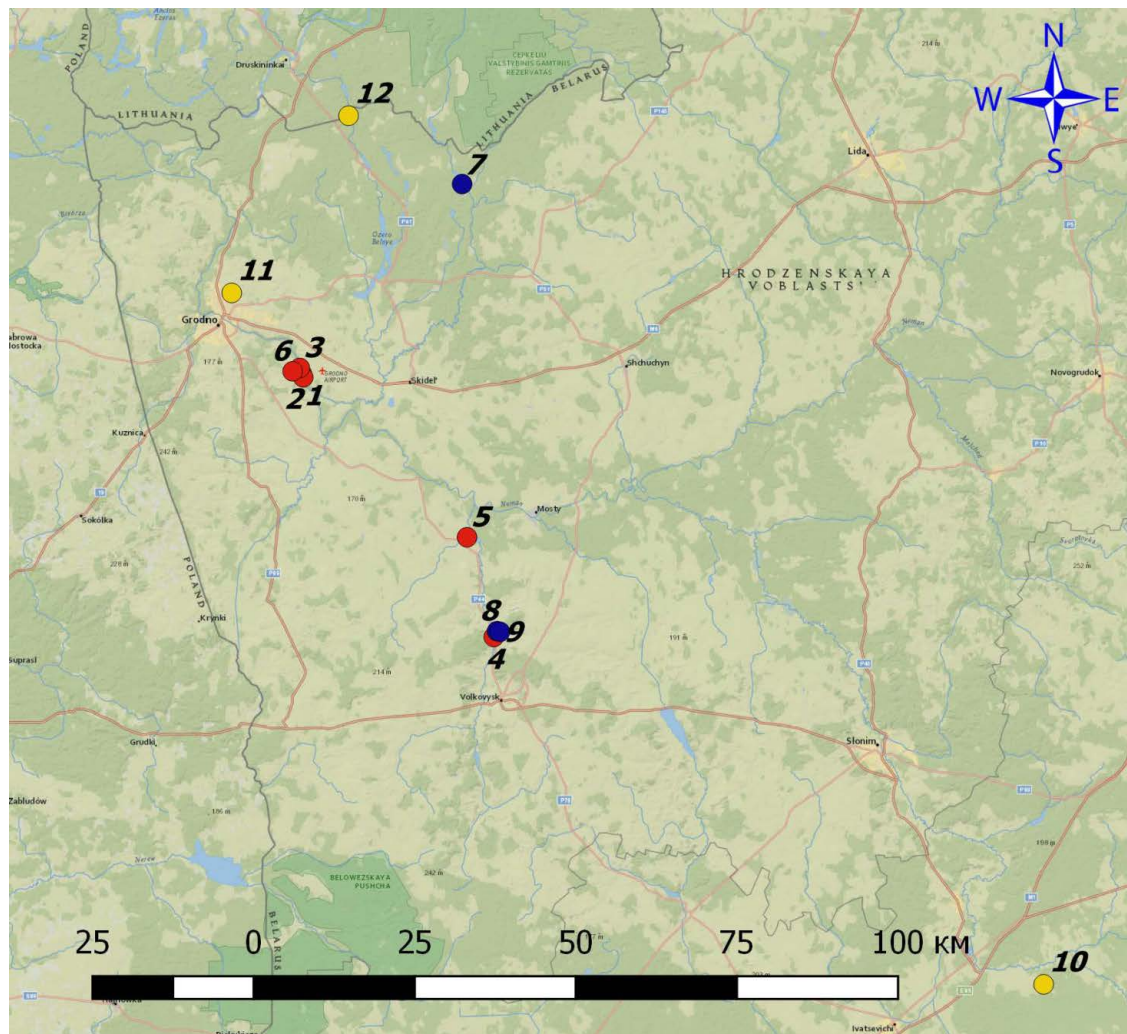

Рис. 1. Памятники с материалом культуры бромме-лингби (красный цвет): 1 – Кавальцы 1; 2 – Кавальцы 2; 3 – Кавальцы 4; 4 – Красносельский 5; 5 – Каваль 2; 6 – Жукевичи 2.

Памятники с единичными находками культуры бромме-лингби в коллекциях (синий цвет): 7 – Бершты 2; 8 – Красносельский 4; 9 – Красносельский 7.

Единичные местонахождения наконечников культуры бромме-лингби (жёлтый цвет): 10 – Волька 8А; 11 – Гродненский район; 12 – Лихачи «остров Салацкий»

РАЗВЕДКИ ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ ПРИАЗОВЬЕ В 2019 Г.

В результате археологических разведок, проведённых сотрудниками ЗАО «ОКН-проект» в рамках федеральной программы инвентаризации объектов культурного наследия в 2019 г., в Матвеево-Курганском р-не Ростовской области было обследовано более трёх десятков памятников каменного века - местонахождений, стоянок и кремнёвых мастерских. Обследуемые памятники археологии каменного века (палеолитического и неолитического времени) расположены в районе выхода мелового кремня в бассейне р. Сухой Еланчик, р. Миус и её притоков – рек Ясиновки, Каменки. Археологические разведочные работы в этом микрорайоне были начаты в 50-е гг. XX в. П.И. Борисковским и Н.Д. Прасловым. В 60–70-е гг. XX в. археологической экспедицией под руководством Л.Я. Крижевской на протяжении многих полевых сезонов исследовались неолитические поселения Матвеев Курган I, II. В 70-е годы XX в. долины рек Сухой и Мокрый Еланчик были обследованы В.С. Флеровым. В начале 90-х гг. XX в. сотрудниками Таганрогского краеведческого музея была проведена инвентаризация памятников археологии в Северо-Восточном Приазовье. В результате настоящих археологических были обследованы 36 стоящих на государственной охране памятников археологии каменного века.

Обследованные в настоящее время памятники каменного века поделены на две хронологические группы – к палеолиту относятся 8 пунктов, к неолиту – 13 пунктов. Большинство кремневого материала собрано на поверхности местонахождений. Расположенный на поверхности подъемный материал часто представлен несколькими артефактами – сколами, нуклеусами, заготовками орудий, характерными для кремнёвых мастерских. Материал из шурфов (в том числе немногочисленный костный материал) составляет небольшой процент от найденных артефактов. Исключением является комплекс «Марьева Гора» на южной окраине с. Кульбаково в долине р. Ясиновка, где в шурфах собрана весьма значительная коллекция переотложенных кремневых изделий, в основном относящихся к среднему палеолиту. получена ценная стратиграфическая информация на обследованных объектах, уточнены их границы и составлена расширенная учётная документация. Накопление новых данных, сохранение и систематическое исследование

Таким образом, в результате настоящих работ расширена коллекция кремневых материалов, происходящих из памятников археологии каменного века Северо-Восточного Приазовья. На повестке дня – поиски в регионе памятников с сохранившимися культурными слоями.

НОВЫЕ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕЩЕРНЫЕ СТОЯНКИ БУЗЕИР И ЗУВАНДЧАЙ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

1. В 1985 году Палеолитическая археологическая экспедиция под руководством А.Г. Джафарова проводила разведочные работы в Ленкоранском, Астаринском, Масаллинском и Лерикском районах республики. Были осмотрены пещеры Сым, Пеликеш, Бузеир и др. Осмотр последних двух дал хорошие научные результаты (Джафаров, 1986), в пещере Бузеир был заложен разведочный шурф.

2. В 1990 году палеолитическая экспедиция под руководством А.Г. Джафарова проводила раскопочные работы в пещере Бузеир. В слоях III–VI найдены каменные изделия палеолитического человека (ашель, мустье) и костные остатки животных.

3. В 2007 году палеолитическая археологическая экспедиция под руководством А.Г. Джафарова проводила разведочные работы в Лерикском районе. В время разведочных работ открыта недалеко от пещеры Бузеир новая пещерная стоянка Зувандчай.

4. Пещерные стоянки Бузеир и Зувандчай находится на левом берегу реки Зувандчай, на высоте 1700 над уровнем моря и около 250 м над уровнем. р. Зувандчай. Вход в нее выходит в ущелье Зуванд.

3. метровая толща отложения, вскрытая раскопками, содержала 5 культурных слоев: 1–2 позднеголоценовый и 3–5 верхнечетвертичных.

Талышские горы расположены на юго-восточном Кавказе в Азербайджанской Республике, на границе с Ираном. Они служат продолжением системы Малого Кавказа, от которого отделены прогибом занятым нижним течением р. Аракса.

5. Талыш является страной в обладает сложным геоморфологическим строением. Современный рельеф является выражением сложного взаимодействия эндогенных и экзогенных рельеф образующих процессов.

Значительная роль в формировании рельефа Талыша принадлежит вулканической деятельности, имевшей наибольшее развитие в эоцене.

6. Развитие и формирование рельефа Талыша происходит в тесной зависимости и обусловленности от интенсивности новейших движений, литологии горных пород и общих физико-географических условий.

7. Во время археологических раскопок в пещере Бузеир всего найдено 61 каменное изделие, в составе которых были нуклеусы дисковидные, леваллуазские остроконечники, простое прямое скребло, простое выпуклое скребло, отщепы и пластины.

8. В 2011, 2012 и 2015 гг. во время археологических раскопок в пещере Зувандчай найдено 92 каменных изделий, в составе которых были пластины, отщепы, скребла, леваллуазские и мустьерские остроконечники, концевые скрепки и др. а также костные остатки животных.

9. Каменные изделия слоя 3 характеризуют некоторые признаки раннего верхнего палеолита налицо большая серия пластин, среди которых бросаются в глаза узкие и тонкие ножевидные. Наряду с этим в слоях а 4–5 встречаются типичные мустьерские орудия: леваллуазские, леваллуазские ретушированные, мустьерские остроконечники, простые прямые скребла, двойные скребла, скребла угловатые и др.

По составу орудий индустрия пещерных стоянок Бузеир и Зувандчай может быть отнесена к мустье типичному.

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ ФИНАЛЬНОГО ПАЛЕОЛИТА И МЕЗОЛИТА ГОРНОГО КРЫМА

В настоящий момент основные вопросы происхождения, развития, взаимодействия и исторических судеб культур финального палеолита – мезолита Крыма являются дискуссионными. На одних и тех же материалах высказываются диаметрально противоположные точки зрения. В значительной степени такая ситуация связана со слабой разработанностью хронологии. Относительная хронология культурных слоев многослойных памятников финального палеолита и мезолита Горного Крыма базируется на их стратиграфии, календарная же хронология до сих пор нередко определяется при помощи типологического метода и сравнения с датированными материалами зачастую с отдаленных территорий. На современном этапе такой подход уже не достаточен, необходимость определения хронологии опорных памятников на основании серийных естественнонаучных дат очевидна.

На сегодня опубликовано 67 радиоуглеродных дат для 7 многослойных памятников финального палеолита и мезолита Горного Крыма. Из них 6 в гротах и навесах: Шан-Коба (22 даты), Шпан-Коба (14 дат), Ласпи (14 дат), Буран-Кая 3 (6 дат), Фатъма-Коба (5 дат), грот Скалистый (4 даты); 1 стоянка открытого типа Кукрек (2 даты). Эти даты получены, главным образом, по кости (48), меньше по углю (13) и раковинам (5), как традиционным (39), так и AMS (28) методами в лабораториях Киева (31), Москвы (2 – ГИН), Ленинграда (1 – ЛОИА), Гронингена (4), Киля (20), Оксфорда (4) и Берлина (5). Следует отметить разную степень достоверности полученных дат. 23 из 67 дат выпадают из общей последовательности и противоречат стратиграфическому положению датированных образцов. Например, даты стоянки Ласпи ложатся хаотически. Из 23 выпадающих дат 16 получено в Киеве, 3 в Берлине, 2 в Киле, 1 в Москве и 1 в Ленинграде. Дат, полученных другими методами естественных наук, пока не опубликовано.

Имеющиеся даты шан-кобинской культуры укладываются в интервал $12650 \pm 60 - 9366 \pm 73$ BP (13301–12801 – 8730–8544 CalBC); мурзак-кобинской - в интервал $8357 \pm 52 - 7075 \pm 45$ BP (7507–7385 – 5999–5917 CalBC); шпанской – в интервал $9730 \pm 50 - 8240 \pm 150$ BP (9040–8970 – 7240–7050 CalBC). Хронологические рамки других культур финального палеолита Крыма пока достоверно не определены. Сложившаяся ситуация диктует настоятельную необходимость разработки детальной хронологии опорных памятников финального палеолита и мезолита Горного Крыма с применением различных методов естественных наук. Это будет одной из наших задач на ближайшие годы.

ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ НА ПОВЕРХНОСТИ ПОЛА КАПОВОЙ ПЕЩЕРЫ: МЕТОДИКА ПОИСКА И РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ

Капова пещера (Шульган-Таш) находится в Бурзянском районе Республики Башкортостан, на правом берегу р. Белая, на территории государственного природного заповедника «Шульган-Таш». В 1959 г. А. В. Рюмин выявил настенные изображения палеолитического возраста. Первые археологические исследования в 1960–1978 гг. проводил О.Н. Бадер. В 1982–1991 гг. комплексное изучение Каповой пещеры возглавлял В.Е. Щелинский. С начала 2000-х годов на памятнике в разные годы работали экспедиции под руководством Т.И. Щербаковой и В.Г. Котова. С 2008 г. и по настоящее время исследования проводит Южно-Уральская археологическая экспедиция МГУ. До 2008 г. основные археологические работы по поиску следов деятельности человека, сопутствующих и связанных с художественными практиками, были сосредоточены на изучении рыхлых отложений. С 2009 г. применяется новая методика сплошного поиска культурных остатков на поверхности пола пещеры. Особое внимание уделяется нишам, расщелинам, трещинам, пространству между глыб и другим элементам интерьера карстовой полости. Результатом планомерного применения этой методики за прошедшие десять лет стало открытие новых типов объектов верхнепалеолитического времени, значительно изменивших представление о структуре и зонировании подземного святилища Каповой пещеры.

НОВЫЕ НАХОДКИ РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА В АПШЕРОН-БАКИНСКИХ ОТЛОЖЕНИЯХ АЗЕРБАЙДЖАН

В 2019 году совместная азербайджано-российская экспедиция провела разведочные работы на северо-востоке (вдоль северной периферии Кавказа) и юго-западе (в бассейне р. Аракс) Азербайджана. Это были целенаправленные поиски следов раннего палеолита в раннеплейстоценовых отложениях.

Первый район расположен на Кусарской наклонной равнине. Исследовались участки в районе плато замыкающегося вершиной Большой Сувал, включая долины притоков реки Кусарчая, в частности в районе села Урва.

В районе села, на пункте Урва-1 в галечниках кусарской свиты был обнаружен (*in situ*) односторонний чоппер. Орудие изготовлено на мелкозернистой гальке V-образной формы темно серого цвета. Обе стороны плоские, вся поверхность, за исключением рабочего края сохраняет галечную поверхность. Широкий край гальки оформлен разновеликими сколами с одной стороны на рабочем крае следы утилизации в форме эпизодической мелкой ретуши.

Еще два предмета были обнаружены в районе села, на пункте Урва-2.

Двухсторонний чоппер из мелкозернистой гальки подчетырёхугольной формы темно серого цвета. Рабочая поверхность с одной стороны оформлена одним средним сколом, с другой стороны несколькими мелкими сколами, образовавшими ступенчатую поверхность. Второй предмет представляет собой мелкую гальку трапецевидной формы, со следами мелких сколов на узком торце.

Еще один район исследований связан с изучением морских террас бакинского этапа высотой 215–300 м к югу от города Шабран. Исследованы террасы прорезываемые реками Шабранчай и Гильгильчай. В отложениях бакинских террас было обнаружено два местонахождения: в районе села Гильгильчай Сиязаньского района и села Сурра Шабранского района.

Еще один район исследований связан с обширной территорией полукольцом (шириной от 15 до 30 км и длиной более 200 км) окаймляющей Карабахское плато и прилегающие к нему с запада хребты, которая пересекается долинами нескольких рек. Исследования проводились в нижней

части долин р. Куручай и параллельной ей р. Кенделанчай в зоне выхода долин к р. Аракс. Интерес к району обусловлен тем, что он расположен в 30–35 км от раннепалеолитической стоянки Азых.

Здесь в районе села Ахмедбейли Физулинского района была собрана самая значительная коллекция – 12 предметов. Среди них выделены нуклеусы, чопперы, скребла, отщепы.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №18-55-06010.

Ю.Н. Зоров

Государственное автономное учреждение культуры Ростовской области «Донское наследие».

Ростов-на-Дону, Россия

zoroff.yura@yandex.ru

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ЭПИ-ОРИНЬЯКУ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ

За последние два полевых сезона в Северо-Восточном Приазовье было выявлено около десятка новых местонахождений, отличающихся близостью индустрии и типологического набора изделий материалам Мураловской стоянки.

Первая группа памятников находится в районе Мураловской стоянки, на северном побережье Миусского лимана. Два из них (Мураловка I, Калиновка III) расположены к западу от нее вдоль лимана, два других (Каменная балка, Балка Фомина) – в глубине Носовой балки, впадающей в Миусский лиман в 1,2 км от Мураловки. Коллекции кремневых изделий данных местонахождений пока незначительны, представлены нуклеусами и пластинчатыми сколами, орудия единичны. В данной группе памятников выделяется стоянка Каменная балка, расположенная в устьевой части Носовой балки, в 5 км от Мураловской стоянки по прямой. Коллекция изделий, полученная за прошедший сезон, насчитывает полторы сотни артефактов. Нуклеусы представлены короткопризматическими формами с двумя смежными фронтами или небольшими кареноидными, с полуобъемным фронтом. Несмотря на численное преобладание отщепов, в коллекции представлена значительная серия пластинчатых сколов. Крупные и средние сколы в основном фрагментированы, часто утолщенные, с асимметричной дорсальной огранкой, смещенной к одной из боковых сторон. Мелкие сколы представлены пластинками и микропластинками с выделяющейся группой витых в профиле пластинок. Микролиты представлены единичными удлиненными чешуйками с мельчайшей абразивной ретушью. В целом, инвентарь указанных местонахождений имеет прямые аналогии в материалах Мураловской стоянки.

Следующая группа памятников расположена западнее предыдущей, по обоим берегам р. Мокрый Еланчик, впадающей с севера в Таганрогский залив. На местонахождениях Пудовый II и Пудовый VIII были собраны небольшие коллекции артефактов, отражающие индустрию, близкую индустриям миусских памятников, но с более насыщенным типологически орудийным набором. Близка также и стратиграфическая позиция залегания находок, обнаруженных в шурфах.

Отдельная группа памятников открыта на южном побережье Таганрогского залива. Индустрии местонахождений Семибалки I, Маргаритово I и Маргаритово II имеют признаки ориньякского технокомплекса как в области технологии первичного расщепления, так и в области типологии изделий со вторичной обработкой. На данных памятниках отмечается более богатый типологически орудийный набор, хотя материалы происходят из береговых осыпей и комплекс

является сортированным, на что указывает незначительное количество мелких фракций кремня. Единственный микролит мураловского типа из Маргаритово допускает связь этих комплексов с эпи-ориньякскими памятниками бассейна Миусского лимана.

Таким образом, в последнее время получен своеобразный кластер новых памятников эпи-ориньяка с сагайдакско-мураловскими микролитами в Северо-Восточном Приазовье, требующих дальнейшего всестороннего изучения.

ИСКУССТВО МАЛЫХ ФОРМ ЛЕСНЫХ ОХОТНИКОВ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ РАВНИНЫ 6000–3000 ГГ. ДО Н.Э.: КРАТКИЙ ОБЗОР

В голоцене территория лесной зоны Восточно-Европейской равнины была единым пространством, где происходило активное взаимодействие между населением разных ее частей и существовали, как представляется, довольно сходные духовные представления. Искусство малых форм неолита на этой территории насчитывает около 700 предметов. Это подвески, скульптуры, орудия со скульптурными навершиями, ритуальные жезлы, изображения на керамических сосудах. На базе детального анализа этой коллекции можно выявить: особенности ритуальных практик в разных регионах лесной зоны и в разные хронологические периоды, некоторые группы мифологических образов. Вопросы взаимодействия и контактов между населением охотников-собирателей-рыболовов разных регионов особенно интересны. Исследования гендерных различий, брачно-родственных отношений, прогресса или, наоборот, стагнации в ритуальных практиках – можно результативно проводить на базе такого источника как искусство малых форм.

Разные наборы предметов использовались в разное время, в разных ситуациях, людьми разного пола. Мужскими ритуальными предметами были роговые жезлы с головой лося, имевшие широчайшее распространение по времени и пространству (к. VII–II тыс. до н.э.). Женскими ритуальными предметами были наборы керамических скульптур круга культур гребенчато-ямочной и шведской ямочной керамики (IV–III тыс. до н.э.). Скульптурные подвески были широко распространены по всей лесной зоне русской равнины наряду с украшениями геометрических форм и подвесками из зубов млекопитающих. Основная часть находок относится к IV – сер. III тыс. до н.э. Изображения разных видов птиц, змей, бобра, выдры, рыбы, лося и медведя, а также антропоморфные изображения, по-видимому, нашивались на одежду и головной убор. Они могли изображать тотемных предков и, соответственно, предка в человеческом образе. Картографирование сходных подвесок показало, что многие виды группируются в пределах бассейнов одной-двух крупных рек, возможно, маркируя территорию расселения сообществ, почитающих одного предка. В крупных жилищах волосовской культуры на Средней Оке (вторая пол. IV тыс. до н.э.) найдены подвески, изображающие разные виды птиц, что, возможно, отражает систему брачных связей и взаимоотношений разных волосовских сообществ.

Таким образом, вся территория лесной зоны Русской равнины была пронизана связями различного характера, направления, расстояния, и искусство малых форм позволяет лучше в них разобраться.

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ «ВОСТОЧНОГО МИКОКА»

Анимация интереса к проблеме «восточного микока» в 90-е гг. прошлого века породила дискуссию, в ходе которой было установлено, что это – особый вариант европейского среднего палеолита, территориально далеко выходящий за рамки Восточной Европы. Обсуждались основные элементы концепции «восточного микока» – пространственный охват, структура, хронология, технологические и типологические признаки каменных индустрий, локальные варианты, терминологическая база, затрагивались вопросы происхождения. Процесс включения в понятие «восточный микок» всех восточноевропейских памятников с двусторонними орудиями фактически близок к завершению. При этом наблюдается преимущественная генерализация признаков сходства-отличия. Сформированы два подхода к пониманию феномена «восточного микока» – широкий и узкий. В широком смысле, в эту группу входят все индустрии среднего палеолита Восточной Европы с двусторонне обработанными каменными орудиями, в узком смысле – только индустрии с асимметричными обушковыми ножами и плоско-выпуклыми орудиями. Следует признать, что отчетливую границу между этими характеристиками установить сложно.

При определении истоков данного варианта среднего палеолита в пределах Европейского континента проявляется своеобразный синдром «позиции взгляда»: во многих случаях специалисты из Восточной Европы считают «восточный микок» результатом миграции населения из Центральной Европы, специалисты из Западной и Центральной Европы – наоборот. Как кажется, наиболее разнообразны индустрии данного типа в пределах Русской равнины. Убывание вариантности «восточного микока» за пределами Равнины может указывать на неё как на широкий ареал, где происходило вызревание данного технокомплекса.

В более широком смысле, «восточный микок» завершает линию развития микока, при понимании микока в качестве особого варианта позднего ашеля. В этом смысле «восточный микок» - это фактически «поздний микок». Позднеашельские индустрии с асимметричными обушковыми «рубилками» встречаются в пределах циркум-средиземноморского пространства, а также в Западной Европе, в пределах распространения ашельского технокомплекса. Наличие микокских изделий в географически удаленных и генетически не связанных индустриях рисского и до-рисского времени (т.е. синхронных развитому ашелю) показывает, что микок является проявлением одной из экстерриториальных форм перехода от раннего палеолита к среднему.

Я.В. Кузьмин¹, С.В. Васильев², М. Бодэн³, К.Н. Гаврилов⁴, Д.И. Стулова⁵

¹Томский государственный университет, Томск.

¹Институт геологии и минералогии СО РАН, Новосибирск, Россия.

kuzmin@fulbrightmail.org

²Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия.

vasbor1@yandex.ru

³Королевский институт культурного наследия, Брюссель, Бельгия.

mathieu.boudin@kikirpa.be

⁴Институт археологии РАН, Москва, Россия.

k_gavrilov.68@mail.ru

⁵Институт археологии РАН, Москва, Россия.

dstulova@list.ru

ХРОНОЛОГИЯ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ СУНГИРЯ В СВЕТЕ НОВЫХ РАДИОУГЛЕРОДНЫХ И СТРАТИГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Проблема хронологии погребений Сунгирия является в настоящее время крайне важной в свете существующих неопределенностей. Существуют две точки зрения о возрасте погребений Сунгирь 1–3:

1) даты погребений укладываются в интервал 29800–33100 календарных лет назад (л.н.) (см. Kuzmin, 2019);

2) возраст погребений – 31700–35300 л.н. (см. Reynolds et al., 2017). Более древние значения возраста получены по гидроксипролину.

Для решения вопроса о хронологии Сунгирия нами было проведено дополнительное радиоуглеродное датирование общего коллагена парного погребения подростков (Сунгирь 2 и 3). Были отобраны образцы рёбер, не подвергавшиеся консервации; это подтвердил анализ коллагена методом инфракрасной спектроскопии Фурье. Все параметры коллагена ($\delta^{13}\text{C}$, отношение C/N) находятся в допустимых пределах. Возраст Сунгирь 1 – 25630 ± 190 ^{14}C лет (RICH-27986.2.2); Сунгирь 2 – 25910 ± 130 ^{14}C лет (RICH-27484.1.1); Сунгирь 3 – 26785 ± 145 ^{14}C лет (RICH-27485.1.1). Календарный возраст Сунгирь 1, 2 и 3 – около 29300–31200 л.н. Новые даты согласуются с ранее полученными значениями возраста Сунгирия по общему коллагену и по костям лошади и северного оленя (см. Kuzmin, 2019), а также с датой по аминокислотам черепа Сунгирь 5 (26042 ± 182 ^{14}C лет; см. Sikora et al., 2017), залегающего выше Сунгирия 1. Они явно моложе значений возраста, полученных по гидроксипролину.

Новые даты также хорошо коррелируют с опубликованными данными о пространственном положении могильных ям Сунгирской стоянки (Бадер, 1998). Эти сведения позволяют утверждать

дать, что погребения Сунгирия были спущены с уровня уже накопившегося культурного слоя, залегавшего в гумусовом горизонте погребённой почвы (Гаврилов, 2001). Общий анализ распределения каменных изделий по условным горизонтам раскопов I–III, проведённый К.Н. Гавриловым (Гаврилов, 2004) и А.Б. Селезнёвым (Селезнев, 2008), свидетельствует о поэтапном накоплении культурных отложений. В тех случаях, когда можно уверенно судить о стратиграфической привязке продатированных образцов, наиболее ранние значения (около 28 тыс. ^{14}C лет) относятся к нижним горизонтам культурного слоя. Однако не следует отбрасывать и наиболее поздние значения радиоуглеродных дат, те, которые моложе 25 тыс. ^{14}C лет. Например, на площади раскопа II верхняя часть культурного слоя Сунгирия, по наблюдениям О.Н. Бадера, фиксировалась в основании покровных лессовидных суглинков, в том числе – скопления угля (Бадер, 1966; Бадер, 1978). Таким образом, полученные даты погребений не противоречат археологической стратиграфии Сунгирского поселения.

Список литературы

- Бадер О.Н.* Археология стоянки Сунгирь. В кн.: В.Н. Сукачев, В.И. Громов, О.Н. Бадер. Верхнепалеолитическая стоянка Сунгирь. М.: Наука, 1966. С. 7–41.
- Бадер О.Н.* Сунгирь. Верхнепалеолитическая стоянка. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бадер О.Н.* Сунгирь. Палеолитические погребения. В кн.: Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда). Н.О. Бадер (отв. ред.) М.: Научный Мир, 1998. С. 5–164.
- Гаврилов К.Н.* Археологический контекст сунгирских погребений // Каменный век Старого Света. СПб.: ИИМК РАН, 2001. С. 31–32.
- Гаврилов К.Н.* Типология и пространственное распределение каменных орудий Сунгирского верхнепалеолитического поселения // Костёнки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное. Воронеж: Истоки, 2004. С. 97–98.
- Селезнев А.Б.* Стоянка Сунгирь. Вопросы организации жилого пространства. М.: Таус, 2008. 80 с.
- Kuzmin Y.V.* The older, the better? On the radiocarbon dating of Upper Palaeolithic burials in Northern Eurasia and beyond // *Antiquity*. 2019. Vol. 93. № 370. P. 1061–1071.
- Reynolds N., Dinnis R., Bessudnov A.A., Devière T., Higham T.* The Kostënki 18 child burial and the cultural and funerary landscape of Mid Upper Palaeolithic European Russia // *Antiquity*. 2017. Vol. 91. № 360. P. 1435–1450.
- Sikora M. et al.* Ancient genomes show social and reproductive behavior of early Upper Paleolithic foragers // *Science*. 2017. Vol. 358. № 6363. P. 659–662.

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ ВЫДЕЛЕНИЯ РАННЕГО АШЕЛЯ НА КАВКАЗЕ

Для эпохи раннего палеолита Кавказа выделяются две технологические стадии: олдованская и ашельская.

Олдованская технологическая стадия – начало, когда предки человеческого рода перешли грань между природным и искусственным, от естественного использования до намеренного изготовления «острого края и острого конца», которые они научились делать на местном каменном сырье любого качества и формы. Олдованские индустрии составляют четыре категории «руководящих форм». Категория грубых рубящих орудий, с субкатегориями чопперовидных и грубых рубящих орудий. Категория мелких («легких») орудий выполненных на разнообразных обломка и осколках, а также на разнообразных сколах, «рабочие элементы» на них выделялись разновеликой обивкой и ретушью. Категория нуклевидных изделий, состоящая из разнообразных отдельностей сырья с достаточно интенсивной оббивкой, как правило, бессистемной. Категория сколов разнообразных и разновеликих, полученных, в основном при оббивке грубых рубящих, но также полученных намеренно с простейших ядрищ. Изготовление олдованских «руководящих форм» было сугубо конкретно-ситуационным, практически полностью обусловленным формой и качеством исходного сырья.

Ашельская технологическая стадия раннего палеолита наследует всем достижениям олдована и наступает время расцвета технологии двусторонней обработки камня, проявившейся в создании уникального ручного орудия – самых разнообразных и полифункциональных ручных рубил, на которых впервые морфологически идеально совмещались острые протяжённые лезвия с остриями. Также продолжала развиваться субкатегория чопперов. Достижениями ашельцев стали создание категории разнообразных пиковидных изделий (у которых второй основной морфологический элемент – «острый конец», не просто выделялся, как на чопперах и ручных рубилах, а формировался специальной технологией и техниками) и категории колунов («ашеро») – ещё одной сугубо специализированной морфологической группы ашельских орудий. Ашельская триада – рубило, пик или колун и чоппер, их различные морфологии и количественное сочетание формируют богатство ашельских индустрий. Наряду с этим категории нуклевидных, сколов и мелких орудий продолжают уверенно развиваться дальше, достигая расцвета в леваллуазских технологиях и техниках финального ашеля.

Обе технологические стадии раннего ашеля представлены на территории Кавказа, но только в разных пропорциях.

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО И ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАРАЙСКОЙ СТОЯНКИ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

В последние годы исследования на Зарайской стоянке сконцентрировались на двух пунктах, получивших название Зарайск Е и F, обнаруженных в ходе разведывательных работ при прокладке технических траншей внутри и вокруг стен кремля. На участке площадью 120 м², раскопанном с 2016 г., были обнаружены типичные для жилой площадки костенковского типа объекты: три очага с обожженными камнями, заполненные костным углем, и полуземлянки (три частично раскопаны). Наличие ям-хранилищ, кладиковых ям, массовых фаунистических останков, переслаивание объектов культурного слоя и мерзлотных структур, а также стратиграфический контекст демонстрируют ближайшие аналогии с нижними слоями Зарайска А. Стоянка датируется в диапазоне от 16 до 21 тыс. лет назад.

В последние годы естественнонаучные исследования на памятнике велись в различных направлениях. В частности, большое внимание уделялось микроморфологии и изучению природных структур в культурном слое, в том числе палеокриогенных образований.

Верхняя погребенная почва, включающая палеолитические артефакты, по особенностям микростроения предположительно формировалась под луговой растительностью. В ее верхней части отмечены признаки криогенеза, что свидетельствует об ухудшении климатических условий в конце позднего неоплейстоцена. Почву палеолита перекрывает серая лесная почва, которая свидетельствует о педогенезе в широколиственных лесных экосистемах. В микростроении горизонтов серой лесной почвы ярко выражены иллювиальные признаки – многослойные глинистые кутаны, проникающие в почву палеолита. Иллювиирование глины сопровождается поверхностным переувлажнением и оглеением, на которое указывают железистые новообразования и марганцевые кутаны, перекрывающие глинистые.

Пахотный горизонт отражает новый этап заселения территории человеком. В микростроении горизонта отмечены мелкие фрагменты растительных тканей и частицы древесного угля,

уплотнение микроструктуры в результате вспашки и новообразованные фосфаты. Можно считать, что этот возделываемый участок был расположен очень близко к поселению. Пахотный горизонт перекрыт тонким мелким карбонатным материалом, содержащим микрообломки карбонатных пород с фораминиферами, которые являются результатом обработки строительных блоков, использовавшихся при возведении кремля.

В раскопах на Зарайске Е выявлены две системы линейно вытянутых понижений, которые ранее рассматривались исследователями стоянки в качестве мерзлотных трещин (МТ) двух генераций, первой и второй. МТ второй генерации проникают сверху как в заполнение трещин первой генерации, так в культурные отложения между ними, заполнены они песками и супесями с редкими угольками и минимальным количеством археологических находок. В 2012 и 2019 гг. были вскрыты геологическими методами основания МТ первой генерации. Выяснилось, что они имеют плоское или полого вогнутое днище, которое расположено на глубине не более 1 м от краев МТ и имеет примерно такую же ширину. В одном разрезе отмечены блоки отседания вдоль боковых границ МТ, представленные вмещающими породами с ненарушенной слоистостью, при этом подстилающие породы также имеют первичную горизонтальную слоистость. На другом участке МТ заполнены песчано-супесчаными отложениями, слоистость которых имеет характер выполнения МТ. Ниже нее, в подстилающих породах, вскрыт фрагмент более древней крупной геологической структуры, больше всего похожей на край эрозионного оврага. При этом МТ первой генерации, залегающая гипсометрически выше, является наложенной по отношению к ней.

На основании структурно-морфологических признаков полных поперечных разрезов МТ первой генерации можно уверенно утверждать, что они не являются криогенными образованиями. Более всего они соответствуют системе поверхностных флювиальных образований, заложенных, возможно, по системе квазиполигональных образований трещин усыхания или мелкополигонального растрескивания, однако явно не являются морозобойными трещинами или псевдоморфозами по повторно-жильным структурам.

По результатам проведенных работ можно сделать вывод о наличии как минимум двух, а возможно и трех, жилых площадок костенковского типа с очагами и полуземлянками внутри стен Зарайского кремля. Были найдены подтверждения гипотезе о многослойности памятника Зарайск Е, встречены примеры интерстратификации объектов культурного слоя. Типологические характеристики каменной индустрии и технология раскалывания на всех исследованных стоянках типичны для костенковско-авдеевской культуры. Естественно-научные методы позволили реконструировать условия почвообразования во время жизни на поселении, а также обосновать новые представления о развитии рельефа и экзогенных геологических процессов на территории Зарайской стоянки.

Е.В. Леонова¹, О.И. Успенская²

¹Институт археологии РАН. Москва, Россия

lenischa@yandex.ru

²Институт археологии РАН. Москва, Россия

adamena@mail.ru

ПАМЯТНИКИ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА РУБЕЖА ПЛЕЙСТОЦЕНА-ГОЛОЦЕНА С ГЕОМЕТРИЧЕСКИМИ МИКРОЛИТАМИ В ВИДЕ СЕГМЕНТОВ

В коллекциях каменного инвентаря северокавказских памятников мезолита – энеолита достаточно распространенной формой геометрических микролитов являются сегменты. Однако это общее название объединяет достаточно разнообразную по размерам, пропорциям и приемам вторичной обработки группу орудий. Это разнообразие необходимо учитывать при культурной и хронологической интерпретации материалов. Их функциональная специфика определена частично.

Серии сегментов известны в материалах стоянок конца плейстоцена – начала голоцена: в пещерах Двойная (слои 4/5 и 6), Медовая 2 (слои 9–12), Мезмайская (слой 1–3), немногочисленны в материалах навесов Чыгай и Сатанай и единичны в Ацинской пещере.

По имеющимся в нашем распоряжении данным наиболее ранние сегменты появляются на СЗ Кавказе около 13 тыс. л. н. (пещера Двойная). Это относительно крупные изделия из пластинок, часто слабо асимметричные, оформленные крутой или вертикальной ретушью по дуге. Трасологический анализ выявил комплекс повреждений, ассоциирующихся с метательным износом, характерным в подавляющем большинстве для косолезвийной ориентации наконечников стрел и/или составного вооружения. Наиболее близкие аналогии этим формам судя по публикациям есть в материалах Мезмайской пещеры (Голованова и др., 2012) и грота Сосруко на Центральном Кавказе (Замятнин, Акритас, 1957). Возможно к этому же времени или чуть позже относятся крупные симметричные высокие сегменты, а также геометрические микролиты «переходных» форм, которые разные исследователи относят или к трапециям, или к сегментам.

Высокие, как правило, мелкие симметричные сегменты с двусторонней обработкой дуги (гелуанской ретушью) появляются позднее. Подобные единичные формы найдены в верхних слоях навеса Чыгай, в навесе Сатанай, а также в Мешоко (Осташинский, 2008). Вероятно, появление этих форм маркирует переход к последующим эпохам неолита–энеолита.

**С.Н. Лисицын¹, М.Н. Желтова², Д.К. Еськова³, Н. Рейнольдс⁴,
Н.А. Цветкова⁵, А.Ю. Пустовалов⁶**

¹Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург, Россия
serglis@rambler.ru

²Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург, Россия
mpraslova@mail.ru

³Институт археологии РАН. Москва, Россия
bdims@mail.ru

⁴Université de Bordeaux. Бордо, Франция
natasha.a.reynolds@gmail.com

⁵Российский этнографический музей. Санкт-Петербург, Россия
n-tsvetkova@yandex.ru

⁶Государственный археологический музей-заповедник «Костенки». Воронеж, Россия
pustovalov_ayu@mail.ru

НЕЗАСЛУЖЕННО ЗАБЫТЫЙ ГРАВЕТТИЙСКИЙ ПАМЯТНИК КОСТЕНКИ 9: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Стоянка Костенки 9 (Бирючий Лог) относится к однослойным памятникам Костенковско-Борщевского района. Стоянка открыта в 1937 г. П.П. Ефименко в ходе шурфовки периферии Костенок 8. В 1959 г. А.Н. Рогачев разбил раскоп 5×10 м вокруг глинокопной ямы, которая частично вскрыла локальное скопление культурных остатков с кострищем по центру. Вне скопления находки отсутствовали. А.Н. Рогачев интерпретировал объект как остатки жилища.

Каменный инвентарь Костенок 9 из раскопа 1959 г. насчитывает более 3200 предметов (включая микродебитаж), в том числе 423 предмета с вторичной обработкой. Сырье индустрии – меловой кремль (98,5%), цветной моренный(?) кремль, кремневая опока, кварцит, сланец. В качестве основных видов заготовок для орудий использовались пластины и пластинки. Среди морфологически выраженных орудий количественно доминируют микроорудия – пластинки с притупленным краем и единичные микроострия с притупленным краем. Пластинки с притупленным краем Костенок 9, несмотря на некоторую метрическую вариабельность по длине и ширине, крайне единообразны с типологической точки зрения – это «прямоугольники», концы которых, как правило, усечены крутой вентральной ретушью. Примерно равную долю в орудийном наборе составляют долотовидные орудия, резцы, на сломе заготовки, двугранные, реже – ретушные, и скребки, представленные исключительно концевыми формами. Серийны острия, среди которых выделяются крупные листовидные изделия на пластинах с контурной дорсальной ретушью. Яркой отличительной чертой каменной индустрии Костенок 9 является присутствие

шлифованных сланцевых предметов. Коллекция из раскопа 1959 г. насчитывает четыре фрагмента галек сланца со следами шлифования, а также два граненных сланцевых стержня, шлифованных по всей поверхности. Изделия из кости и бивня представлены обломком ложилообразного орудия из ребра мамонта и двумя фрагментами округлых в сечении бивневых стержней. Украшения представлены клыком песка с просверленным отверстием.

В 2006–2007 г. под руководством А.В. Попова и А.Ю. Пустовалова на стоянке велись охранные раскопки на суммарной площади 9 кв.м. Полученная коллекция каменного инвентаря – 316 экз. Типологически набор артефактов повторяет инвентарь предыдущих раскопок с добавлением находки двояковыпуклого шлифованного диска из сланца. Были также найдены 2 обломка ложила с нарезками по краям из ребра мамонта, фрагмент кости с пазом, а также «подвеска» из пластины бивня с 2 прорезанными отверстиями.

В 2019 г. на Костенках 9 С.Н. Лисицыным вблизи раскопа А.Н. Рогачева был заложен шурф 2×3 м. В культурном слое были обнаружены 83 артефакта, включая еще один сланцевый шлифованный диск. Костяные изделия представлены находкой бивневой пуговицы с перехватом александровского типа.

Костенки 9 долгое время не имели культурной атрибуции и датировки. Результаты полевых исследований последнего десятилетия в Костенковско-Борщевском районе позволяют сделать вывод об археологической идентичности каменной и костяной индустрий Костенок 9 и Борщево 5/1, существенная часть специфических типов орудий и украшений которых имеет также полные аналогии в материалах Костенок 4 (Александровка). Полученные в 2019 г. по Костенкам 9 в Оксфордской лаборатории ¹⁴C даты ~24–22 тыс.л.н. не противоречат подобной ассоциации. На настоящий момент, можно говорить о выделении на Дону культурно обособленного варианта граветта, хронологическая позиция которого определяется в пределах ~25–22 тыс. л. н.

Работа подготовлена в рамках реализации ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0001 «Древнейшие обитатели России и сопредельных стран: пути и время расселения, эволюция культуры и общества, адаптация к природной среде», а также при поддержке РФФИ, проект № 18-00-00837 КОМФИ «Культурная география верхнего палеолита центральных районов Русской равнины: восточный граветт и эпиграветт».

**А.Н. Мазуркевич¹, Е.В. Долбунова², Б. Курель³, Дж. Медоус⁴,
М. Бондетти⁵, А. Люквин⁵, О.Крег⁵, К. Херон³, М.А. Кулькова⁶**

¹ Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург, Россия
a-mazurkevich@mail.ru

² Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург, Россия. Британский музей.
Лондон, Великобритания
katjer@mail.ru

³ Британский музей. Лондон, Великобритания

⁴ Центр Балтийской и Скандинавской археологии. Шлезвиг, Германия

⁵ Университет Йорка. Великобритания

⁶ Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.
Санкт-Петербург, Россия
kulkova@mail.ru

ДРЕВНЕЙШАЯ КЕРАМИКА И НАЧАЛО НЕОЛИТИЗАЦИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Появление древнейшей керамики в Евразии в среде охотников-собирателей относится к 16–12 тыс. до н.э., на территории Восточной Европы – к 7 тыс. до н.э. Радиоуглеродная хронология Восточной Европы во многом основана на конвенциональных датировках, которые удлиняют процесс существования древнейших керамических культур, которые в российской научной традиции относятся к неолитической эпохе. Сравнение процессов, которые датируются конвенциональными датировками и более точными датировками, полученными на АМС, позволяет значительно сузить период бытования этих традиций.

Восточная Европа – общая географическая зона, где появляются одни из самых древнейших керамических традиций в разных частях от середины/конца 7 до 6 тыс. до н.э. Паневропейское понимание неолита привело к своеобразной изоляции территории Восточной Европы и разделению Европы на мир земледельцев со своеобразными керамическими комплексами культур с расписной керамикой и культур с штампованной керамикой и мир охотников-собирателей с единичными и зачастую дискуссионными признаками производящего хозяйства. Попытка объяснения появления остродонной керамики с позиций стадильности, на основе изучения культур охотников-собирателей Америки, как некий общий мир, связывающий Среднюю Волгу и Скандинавию (керамику елшанской культуры и эртебелле), как мир полу-мифических гипербореев, которые проникают на территорию Скандинавии откуда-то издалека, с востока, не раскрывает глубинного процесса, потребности в создании именно такого типа посуды.

Для определения специфики условий появления самой древнейшей керамики на территории Восточной Европы необходимо обратиться к археологическому материалу целой серии ар-

хеологических культур, носители традиций которых в 7–6 тыс. до н.э. заселяли пространства Восточной Европы. В докладе будет представлен комплексный анализ отдельных региональных керамических традиций, хронология процессов появления и дальнейшего распространения древнейших видов керамики, обсуждены возможные пути неолитизации Восточной Европы.

Работа подготовлена при поддержке гранта РФФ № 19-78-00009.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА СТОЯНКЕ ЗАРАЙСК Е

Зарайская стоянка рассматривается как группа памятников верхнего палеолита, разделенных во времени и пространстве (основная локализация вокруг и внутри Зарайского кремля), с общей исследованной площадью более 500 м². Хронологические границы памятника 23000–16000 л.н. (некалиброванные даты). Типологические характеристики каменной индустрии и технология раскалывания на всех исследованных памятниках типичны для костенковско-авдеевской культуры. Исследованные пункты памятника обозначены буквами латинского алфавита от А до Ф. Пункты Е, Ф найдены в 2016 году в результате разведочных работ внутри кремля. Зарайск Е имеет как минимум две жилые площадки костенковского типа с очагами и полуземлянками и является многослойным памятником, с культурным слоем *insitu* (датировки 19020±320 (GIN-15737-1), 18135±80 (GIN-15738кр), 17570±100 (GIN-15739кр). Исследованная площадь (Е, Ф) 120 м². Наличие ям-хранилищ, кладиковых ям, массовость фаунистических останков, переслаивание объектов культурного слоя и мерзлотных структур, стратиграфический контекст демонстрируют ближайшие аналогии с нижними слоями Зарайска А.

Общее количество палеонтологических остатков на памятнике 561 экз., включая неопределимые остатки. У 90% остатков тип сохранности «тлен», т.к. они попадают в зону действия почвенных кислот и корней растений. На всех участках остатки млекопитающих не имеют повторяющихся закономерностей в их локализации. Нет определяемых костей, не модифицированных человеком (кроме 3 зубов мамонта). Количество неопределимых остатков более 50%. Крупные млекопитающие: шерстистый мамонт *Mammutus primigenius* (Blumenbach, 1799) (13–14 особей: половозрелых 10 самки (возможно, 1 самец), молодая 1 (4–6 лет), детеныши 3 (2–3 особи 6–8 месяцев, 1 особь 1,5 года), бизон *Bison priscus* (1 особь), песец – *Alopex lagopus* L. (2 особи). Мелкие млекопитающие: копытный лемминг *Dicrostonyx torquatus* (Pallas, 1778), серая полевка *Micritus* sp. Не менее 88% определяемых остатков крупных млекопитающих составляет *M. primigenius*, 11,5% *A. lagopus*, менее 0,5% *Bison*. Процентное соотношение определяемых остатков *M. primigenius*: зубы 18%, бивни 28%, нижняя челюсть 3%, череп > 0,5%, лопатка > 0,5%, таз > 0,5%,

длинные кости 1%, позвонки > 0,5%, ребра 14%. В Зарайске Е больше неполовозрелых особей и детенышей (3–4), чем в Зарайске А (2). В Зарайск Е, впервые для памятника в целом, обнаружены кости бизона в анатомическом положении: 8 позвонков, видимо, последние грудные. Можно предположить, что это мелкая половозрелая особь. В Зарайске А в анатомическом положении встречались только дистальные отделы конечностей песца и птиц. Фауна Зарайска Е (3 вида) на нынешнем этапе раскопок включает меньшее количество видов по сравнению с Зарайском А (9 видов). Общий состав видов и наличие копытного лемминга указывает, что это фауна эпох похолоданий конца позднего плейстоцена.

СТРАТИГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОМПЛЕКСОВ АВДЕЕВСКОЙ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

Авдеевская стоянка является одним из ключевых памятников средней поры верхнего палеолита на Русской равнине. Она располагается в Курской области, в бассейне р. Сейм. На данный момент на памятнике выявлено несколько объектов: 2 жилищно-хозяйственных комплекса, участок к северо-востоку от второго комплекса и так называемое «межобъектное пространство», располагавшееся к юго-востоку и югу от первого комплекса.

Первый жилищно-хозяйственный комплекс исследовался в 1946–1949 гг. Он представлял сильно разрушенную в северной и центральной части жилую площадку костёнковско-авдеевского типа. Первый исследователь памятника М.В. Воеводский указывал, что культурный слой залегал в серовато-бурой супеси. По мнению продолжившего его работу А.Н. Рогачева, стратиграфическое положение культурного слоя было в верхней части зеленовато-серого песка. Он отмечал наличие к юго-востоку от жилой площадки следов второго поселения, залежавшего в такой же стратиграфической позиции и выявленного разведывательными шурфами М.В. Воеводского.

Второй жилищно-хозяйственный комплекс располагался в 30 м к востоку от первого. Исследовался в 1972–1992 гг., в результате была раскопана схожая жилая площадка, но имевшая лучшую степень сохранности. Культурный слой, по мнению исследователей (М.Д. Гвоздовер и Г.П. Григорьев), совпадал с литологическим слоем зеленоватой супеси. На ряде участках в толще культурных отложений удавалось проследить отдельные окрашенные прослойки, но из-за их локального характера и неустойчивости не получилось выделить их в качестве самостоятельных стратиграфических единиц.

В 1977 и 1981 гг. была вскрыта небольшая площадь в восточной периферии первого комплекса. Стратиграфические условия залегания культурных остатков на этом участке и во втором комплексе позволило заключить, что культурный слой «единый, неделимый и тождественный на всем протяжении по своей стратиграфической позиции».

В ходе работ 1999–2007 гг. исследовался третий комплекс, упоминаемый в специализированной литературе как «межобъектное пространство». В его рамках не было обнаружено углублённых структур искусственного происхождения (за исключением одной ямы), но была зафиксирована обширная по размерам углистая поверхность, залежавшая в верхней части зеленоватой супеси. Кроме того много артефактов располагалось в вышележащих слоях суглинка и песка.

Массив радиоуглеродных дат, полученных для второго и третьего комплексов, не позволяет достоверно соотнести время их функционирования. Это объясняется большим разбросом дат на втором объекте и отсутствием точного пространственного адреса для каждого образца.

Прояснить сложившуюся ситуацию смогут как сопоставление и анализ всех архивных материалов по условиям залегания культурного слоя на разных участках памятника, так и новые полевые археологические изыскания, так как пространство между тремя комплексами Авдеевской стоянки до сих пор не исследовано.

В.К. Мерц

Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова.

Павлодар, Казахстан.

v_mertz@mail.ru

О ВЛИЯНИИ КУЛЬТУР ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ЮЖНОГО ПРИКАСПИЯ НА КОМПЛЕКСЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА (ПО МАТЕРИАЛАМ МНОГОСЛОЙНОЙ СТОЯНКИ ШИДЕРТЫ 3)

Многослойная стоянка Шидерты 3 расположена на северо-восточной окраине Казахского мелкосопочника – Сары-Арка. На памятнике выделено 6 культурных слоев, содержащих до 9 горизонтов с различными типами каменных индустрий, датируемых от конца палеолита до ранней бронзы. Более точно определить их нижнюю границу не позволяет отсутствие радиоуглеродных данных из слоя 6. Недавно полученная дата 10474 ± 30 BC (UCI – 199653) из слоя 5, возраст которого ранее определялся по стратиграфии концом пребореала – началом бореала в пределах рубежа VIII–VII тыс. до н.э. (Мерц, 2008, с. 15), заставляет нас пересмотреть датировку 5–6 слоя, и в будущем, провести дополнительные исследования по уточнению их возраста.

Несмотря на это, опираясь на новые данные, значительно удрежняющие материалы нижних слоев стоянки до раннего мезолита и верхнего палеолита, хотим обратить внимание на некоторые особенности каменной индустрии, также свидетельствующей в пользу их более раннего возраста. Материалы слоя 6 содержат остатки пластинчатой индустрии с симметричными трапециями и развитой резцовой техникой в виде орудий на сечениях пластин с фасетированным торцом, широко представленных в позднем палеолите – раннем мезолите Восточной Европы (Кольцов, 1989; Косменко, 1977). Дополняет данный комплекс антропоморфная галечная скульптура в виде женского образа, отражающего культовые представления этого периода.

Материалы слоя 5, отделенные от слоя 6 стерильной прослойкой погребенной почвы, указывающей на значительный хронологический интервал между ними, отражают иную линию развития. В этом комплексе меняется используемое сырье, реже встречаются геометрические микролиты, не развита техника резцового скола, вторичная обработка пластин представлена краевой дорсальной ретушью, появляется больше проколов, разверток, долотовидные орудия. В целом индустрия напоминает комплексы Юго-Восточного Прикаспия (Марков, 1966). Эту линию развития отражают и материалы слоя 4, датируемого рубежом мезолита и неолита (Мерц, 2006, 2018).

Таким образом, материалы многослойной стоянки Шидерты 3 свидетельствуют о сложных процессах формирования каменных индустрий конца палеолита – мезолита Северо-Восточного Казахстана, связанных с влиянием или прямыми миграциями на эту территорию населения Восточной Европы и Южного Прикаспия.

ПАЛЕОПОЧВЫ ПЛЕЙСТОЦЕНА: ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОННОТАЦИИ

Эволюция человека, включая ее самые первые начальные фазы, проходила в тесном взаимодействии с природными факторами, в первую очередь, с типом ландшафта и населявшей его биоты. Расшифровка характера взаимодействия человека и природных факторов имеет большое значение для понимания закономерностей антропогенеза и, в перспективе, для прогноза воздействия человеческого общества на ландшафт и климат в будущем. Запись этого взаимодействия на протяжении всей истории человечества сохраняется в палеопочвенных профилях.

Развитие человеческого общества в плейстоцене и голоцене теснейшим образом было связано с интенсификацией использования природных ресурсов, в очень существенной части представленных продуктами и материалами растительного происхождения. Это утверждение, которое можно считать очевидным, позволяет рассматривать антропогенез и эволюцию человеческого общества и использование почв системой с обратной связью, прямо отраженной в эволюции процессов почвообразования.

На начальных фазах антропогенеза, когда первые представители рода *Homo* вели исключительно присваивающий тип хозяйствования, воздействие человека на субстрат в районах обитания было минимальным. Однако и на этом этапе человек тесным образом был связан с определенным типом ландшафтов, растительности (Герасименко, 1998) и, одновременно, с типом почвенного покрова. На территории Европейской части России известны палеопочвенные профили раннеплейстоценового возраста, ассоциативно связанные с находками орудий человека раннего палеолита (Ставропольский край, район Кавказских Минеральных вод; Бахчисарайский район республики Крым, и др.), изучение которых в перспективе может дать много ценной информации о ландшафтном и климатическом фоне эволюции *Homo erectus* (история вопроса подробно рассмотрена в работе: Амирханов, 2016).

Ситуация в характере взаимодействия человека и факторов природы стала меняться в среднем палеолите и, далее, с всё ускоряющимся темпом, в позднем и финальном палеолите, начиная с момента появления первых стационарных поселений палеолитических охотников. В ходе эволюции человеческого общества, в процессе перехода от присваивающего типа хозяйствования к производящему, степень воздействия социума на процессы почвообразования постоянно увеличивалась и продолжает повышаться за счет расширения спектра объектов хозяйствования, при активном применении мелиорации и агротехники.

СТОЯНКА КОРОБЧИНО-КУРГАН НА ЮГО-ЗАПАДЕ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ РАВНИНЫ

На протяжении последних лет были проведены исследования палеолитической стоянки Коробчино-курган, кремневый технокомплекс которой выделен в отдельный тип памятников переходного от среднего к верхнему палеолиту времени.

Стоянка открытого типа расположена на высоком участке плато левого берега р. Большая Высь в Новомиргородском районе Кировоградской области, Украина. Комплекс артефактов памятника находится в свите погребенных витачевских почв, формирование которых происходило на протяжении двух первых климатических оптимумов среднего плейстоцена.

Каменный комплекс коллекции Коробчино-курган, количество изделий которого насчитывает более 20 тысяч единиц, органично объединяет в себе группу находок уплощенных одноплощадочных и биполярных встречного скалывания нуклеусов и ядрищ радиальной системы расщепления, количественных скребел, ножей и остроконечников, с группой артефактов, которую традиционно отождествляют с изделиями типичными для верхнего палеолита. Имеются в виду находки нуклеусов с объемными рабочими поверхностями, высоких скребков ориньякских типов, включая кареноидные и с носиком, концевых скребков верхнепалеолитических типов и резцов. Кроме того в коллекции артефактов представлены группы тронкировано-фасетированных изделий, зубчатых орудий и выемчатых стругов с билатеральными сколами.

Беря во внимание технику обработки кремня и типологические показатели набора орудий, некоторые параллели комплексу Коробчино-курган прослеживаются среди памятников позднего среднего палеолита и начальной поры верхнего палеолита в материалах отдельных слоев стоянок Донбасса (Белокузьминовка, Курдюмовка), Среднего Дона (Шлях), Нижнего Дона (Бирючья Балка 2) и Горного Крыма (Кабазы II). Однако на вышеперечисленных памятниках отсутствуют выразительные серии ориньякских высоких скребков, конечных скребков верхнепалеолитических типов и выемчатых стругов с билатеральными сколами, которые характерны для коллекции Коробчино-курган. Эти обстоятельства дополнительно свидетельствуют об особенностях кремневого инвентаря обитателей стоянки, комплекс артефактов которой был выделен в коробчинский тип палеолитических памятников.

На основе полученных данных осуществлен поиск места археологического памятника среди сложной системы культурно-исторических процессов, происходивших на территории юга Восточной Европы в переходной, от среднего к верхнему палеолиту, период.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ МНОГОСЛОЙНОЙ СТОЯНКИ МУХКАЙ II В КОНЦЕ РАННЕГО ПЛЕЙСТОЦЕНА

В 2018–2019 гг. в самой верхней части отложений (пачка I, возраст 1.0–0.8 млн.л.н.) памятника Мухкай II проводились раскопки на площади 75 кв.м. Были исследованы слои 1–15 (слои 1–2 – голоцен; слои 3–15 – ранний плейстоцен) на глубину до 7 м от условного нулевого репера памятника. Ядро каменной коллекции составили 2105 ед. находок. Первоначальный сравнительный анализ коллекции с инвентарем стоянок-мастерских типичного олдована (слои 74, 129), расположенных в средней и нижней частях разреза, определяет следующие ключевые черты индустрии финала раннего плейстоцена памятника Мухкай II:

- в первичном расщеплении отмечается появление немногочисленных больших нуклеусов для получения крупных (>10 см) отщепов;

- значительно увеличивается количество средних отщепов (<10см>5 см) и появляется большая группа крупных (>10 см) отщепов, в то время как мелкие отщепы (<5 см) существенно сокращаются в количестве;

- каменная индустрия конца раннего плейстоцена содержит категориальный набор изделий, характерный для предшествующего олдованского комплекса (чопперы, пики, ножи, скребла, зубчато-выемчатые и другие ретушированные орудия на обломках и отщепах). В то же время увеличивается многообразие форм различных орудий, комбинированных предметов, отмечается статистическая повторяемость орудий до уровня типов;

- в процентном отношении резко увеличивается роль ретушированных орудий на отщепах и обломках, а крупных рубяще-режущих соответственно сокращается;

- появляется большая группа орудий, изготовленных на крупных отщепах;

- наконец, в верхних слоях (слои 3–6) фиксируются единичные бифасиально обработанные орудия, в том числе грубые проторубила, а также унифасы.

Представленные характеристики позволяют говорить о существенном видоизменении технико-типологического содержания индустрии олдована на памятнике Мухкай II на уровне пачки I. Олдованская археологическая культура Северо-Восточного Кавказа, существуя на протяжении сотен тысяч лет, к концу раннего плейстоцена демонстрирует плавные эволюционные изменения, характерные для переходной стадии от олдована к раннему ашелю. Сущностное содержание и тенденции этого перехода имеют схожие показатели с релевантными памятниками

Африки (памятники Олдувайского ущелья в Танзании или Мелка Кунтуре в Эфиопии). Сам процесс появления раннего ашеля объясняется закономерным стадийным развитием раннепалеолитической технологии обработки камня. Таким образом, один из основных выводов исследований о местном начале трансформации олдована в ранний ашель находит весомое практическое подтверждение.

АНАЛИЗ СТРУКТУР ДВУСТОРОННЕ ОБРАБОТАННЫХ ОРУДИЙ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЕВРОПЫ

Типология среднепалеолитических индустрий, в том или ином виде содержащих бифасиальный компонент, в течение последних двадцати лет претерпевает значительные изменения, заключающиеся в ревизии типологических определений, с одной стороны, сохраняющих традиционный формально-типологический подход, с другой – испытывающих значительное влияние т.н. «функционального анализа» (обзор проблемы, например, здесь: Vosinski, 2006).

На уровне конкретного изделия информацию о технологии его изготовления и о его типологических характеристиках может объединять в себе система скальвания, предполагая фактический и жесткий характер связи между типологией и технологией (Очередной, 2014). На основании того, что «критерий типа образуется из нескольких взаимосвязанных элементов, зависимых друг от друга не иерархически, а *линейно*, на одном содержательном уровне», а «уровни выделения типа могут быть различными» (Синицын, 1977, с.164), системы скальвания играют роль таких одноуровневых таксонов и являются одной из «техничко-типологических единиц» (*морфем*) анализа любых продуктов расщепления.

Определение системы скальвания в качестве основной единицы для технологического анализа в данном случае двусторонне обработанных форм (например, кайльмессеров или остроконечников), позволяет представить изготовление любого изделия в качестве конструкции, состоящей из серии одинаковых модулей, различающихся только положением на заготовке. Следовательно, основу морфологического/морфографического описания изделия может составить изучение расположения отдельных элементов, изготовленных одной или несколькими системами скальвания (применительно к рассматриваемому материалу – это обушки, лезвийные кромки обушков, разные по протяженности и углу наклона, и острия). Прослеживаются степени усложнения итоговых форм (в том числе и редукционные ряды) без перегрузки анализа изготовления каждого конкретного предмета поиском различных *chaîne opératoire* (часто неоднозначных и некорректных из-за сложностей в определении последовательности расположения негативов).

Фактически при любой типологизации рассматриваемых двусторонне обработанных изделий, изготовленных ударом или комбинациями удара и отжима, следует использовать два основных параметра, регулируемых количеством и расположением систем скальвания: интенсивность утончения (продольного, поперечного и диагонального относительно формы заготовки) и

расположение отдельных участков, изготовленных вторичной обработкой (в основном различные виды ретуши, а также парарезцовые сколы/сколы продольного утончения).

Выделение систем скалывания на изделиях позволяет следующее:

1) оперировать отдельной, мельчайшей, единицей технологического анализа, которая имеет самостоятельное значение;

2) в отличие от Техно-Функционального Анализа (Voeda, 2001) выделяемый элемент не связан напрямую с информацией о его функции, благодаря чему мы можем изучать структуру предмета в качестве основного источника реконструкции конкретной технологии; функция изделия должна быть установлена только путем привлечения трасологического анализа;

3) выявить основные технологические последовательности, имеющие отношение к тому или иному моменту жизни этого предмета и проводить корректный анализ последовательности изготовления предмета (scar-pattern analysis (Kot, 2013));

4) проводить сравнительный анализ структур разных изделий вне зависимости от изменчивости их форм.

В последовательности операций при контролируемом расщеплении роль систем скалывания аналогична так называемой *рекурсивной вставке* (Pastra, Aloimonos, 2012), т. е. такому неизменяемому элементу этого процесса, который задает порядок операций сериями бесконечных самоподобных элементарных последовательностей. Способность к усложнению того или иного процесса посредством рекурсивного воспроизведения его отдельных элементов рассматривается как один из признаков иерархично структурированного сознания (Byrne, Russon, 1998; Казиев, Очередной, 2019). Усложненные операционные цепочки, в которых можно проследить такие структуры археологически фиксируются начиная с ашеля (Mahaney, 2014; Stout, 2011; Stout et al., 2014).

Список литературы

- Казиев Э.В., Очередной А.К. Когнитивные структуры в анализе технологии расщепления // Археологическое наследие: материалы и интерпретации. Владикавказ, 2019, с. 4–20;
- Очередной А.К. Системы скалывания в анализе изготовления двусторонне обработанных орудий // «Проблемы Археологии Эпохи Камня». Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского Университета, 2014 год, С. 215–224;
- Синицын А.А. К проблеме морфологического анализа каменного инвентаря // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. «Наука», Ленинград, 1977, с. 158–166;
- Степанчук В.Н. Несколько замечаний к методике реконструкции индивидуальной истории каменных изделий со вторичной обработкой // Кам'яна доба України, Київ, 2003, С. 32–41
- Voeda E. Determination des unites techno-fonctionnelles de pièces bifaciàl, es provenant de la couche Acheuléenne c'3 base du site de Barbas I // Les Industries d outils bifaciaux du Paleolithlque moyen d'Europe occidentale. Actes de la table-roode internationale organisee Caen (Basse-Nonnandie- France) – 14 et

- 15 octobre 1999. Liege, ERAUL 98, 2001, p. 51–75.
- sinski 2006 Bosinski G. Input determines output. Why treat the Middle Palaeolithic differently to the Upper Palaeolithic? // In memoriam Valdemar Chmielewski. Swiatowit, Supplement Series P: Prehistory and Middle Ages, vol. IX. Institute of Archeology Warsaw University, 2006, pp. 61-82;
- Byrne R.W., Russon A.E.* Learning by imitation: a hierarchical approach // Behavioral and Brain Sciences, 21, 1998. P. 667–684;
- Kot M.* The Earliest Middle Palaeolithic Bifacial Leafpoints in Central and Southern Europe. Technological Approach. PhD Thesis. Warsaw. 2013;
- Mahaney R.A.* Exploring the complexity and structure of Acheulean stoneknapping in relation to natural language // PaleoAnthropology, 2014. P. 586–606;
- Pastra K., Aloimonos Y.* The minimalist grammar of action // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. 2012. № 367. P. 103–117;
- Stout D.* Stone toolmaking and the evolution of human culture and cognition // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. - 2011. № 366. P. 1050–1059;
- Stout D., Apel J., Commander J., Roberts M.* Late Acheulean technology and cognition at Boxgrove, UK // Journal of Archaeological Science 41, 2014. P. 576–590.

**А.В. Панин¹, Е.И. Куренкова², В.Е. Тумской³,
Г.А. Хлопачев⁴, В.Ю. Украинцев⁵, И.С. Зюганова⁶**

¹Институт географии РАН;
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
Москва, Россия
a.v.panin@yandex.ru

²Институт географии РАН. Москва, Россия
paleolith@yandex.ru

³Институт географии РАН;
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
Москва, Россия
vtumskoy@gmail.com

⁴Музей антропологии и этнографии РАН, Санкт-Петербург, Россия
gak@kunstkamera.ru

⁵Институт географии РАН. Москва, Россия
barbarian09@mail.ru

⁶Институт географии РАН. Москва, Россия

МОРФОЛИТОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ДОЛИНЕ Р. СУДОСТЬ В ПЕРИОД ОСВОЕНИЯ ЕЕ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИМ ЧЕЛОВЕКОМ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ ОКРЕСТНОСТЕЙ СТОЯНОК ЮДИНОВО И ЕЛИСЕЕВИЧИ)

В 2018–2019 гг. проведены геолого-геоморфологические изыскания на стоянках в долине р. Судости, продолжающие известные работы последней четверти XX в. под руководством А.А. Величко. В рамках общей цели реконструкции локального рельефа района стоянок поставлены следующие задачи: (1) количественное определение возраста террас, на которых расположены стоянки; (2) определение положения реки и оценка ее гидрологического режима в период позднеледниковья; (3) определение возраста, генезиса и динамики т.н. «степных блюдеч» – пологих замкнутых понижений, которыми изобилуют окрестности стоянок Юдиново и Елисеевичи; (4) диагностика и датирование мерзлотных нарушений на территории стоянок.

Механическое бурение в районе стоянки Юдиново показало, что мощность отложений, слагающих 10–11-м террасу р. Судости, достигает 20 м. Предварительные данные карпологического анализа дают возможность предполагать, что аллювий на глубинах 13–14 м может относиться к микулинско-ранневалдайскому времени. Кровля коренных мергелей демонстрирует перепады высот до 5 м на расстоянии в десятки метров, что может объясняться древними карстовыми про-

садками. При этом коренное основание аллювия ведет себя зеркально по отношению к дневной поверхности, поднимаясь от террасы к глубокому блюдцу, примыкающему к стоянке с юго-запада, что говорит не в пользу гипотезы о карстовом происхождении блюдца.

Для проверки гипотезы о наличии в блюдце водоема в период бытования людей на стоянке от центра блюдца вверх по склону террасы в сторону стоянки заложена траншея длиной 60 м и глубиной 3 м. В ритмично-слоистых суглинках, слагающих блюдце, обнаружены признаки гидроморфной обстановки – горизонт глеевого отбеливания, постседиментационные деформации усыхания, постепенно исчезающие вверх по склону. Визуальный анализ не подтверждает существование постоянного водоема, но окончательные выводы будут сделаны по получении результатов лабораторных анализов.

Ряд новых палеокриологических результатов, подкрепленных ОСЛ датированием, получен по стоянке Елисеевичи.

Исследования выполняются благодаря финансовой поддержке РФФИ (проекты КОМФИ: 18-00-00542, 18-00-00837, 18-00-00918 (К)).

Н.Ю. Петрова¹, А.Н. Бабенко², Х. Дараби³, Х. Чадери⁴

¹Государственный исторический музей. Москва, Россия
petrovanatalya7@mail.ru

²Институт археологии РАН. Москва, Россия
mnemosina_a@mail.ru

³Университет Рази. Керманшах, Иран
hojjatdarabi@gmail.com

⁴Университет Рази. Керманшах, Иран
hafezghaderi1368@gmail.com

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ ГОНЧАРНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ЮГО-ЗАПАДНОГО ИРАНА

Юго-Западный Иран – очень важный регион Ближнего Востока, в котором существовали все предпосылки для зарождения гончарной технологии - от очень раннего использования глины во многих областях хозяйства и быта до развития целого комплекса технологических приемов, которые позднее были адаптированы для изготовления керамических сосудов (строительные технологии, сложные по составу массы, использование огня и многое другое). Кроме того, это один из самых ранних районов Ближнего Востока, где впервые появляется технология изготовления керамических сосудов. Первые шаги, связанные с их изготовлением, зафиксированы здесь с конца периода Переходного неолита– конца IX – VIII тыс. до н.э. на поселении Гандж Дарех в провинции Керманшах. Начиная с рубежа VIII–VII тыс. до н.э., первая керамика появляется на других поселениях региона. Одним из самых ранних подобных памятников является поселение Али Кош в Дех Лоранской долине. В первой половине VII тыс. до н.э. керамика распространяется в этой зоне на целом ряде многослойных поселений и представлена уже разными орнаментальными стилями.

В данном исследовании предпринята первая попытка комплексного изучения технологии изготовления неолитической керамики данного региона по методике А.А. Бобринского. Кроме того, приводятся данные применения сферулитного анализа изучения присутствия навоза в керамике. Источниками для нее послужили керамические материалы, происходящие из раскопок Х. Дараби поселений Али Кош, Тепе Махтадж, а также подъемные материалы, происходящие с поверхности Тепе Гуран, относящегося к периоду распространения керамики в регионе.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Первые памятники каменного века были открыты в 1930 году экспедицией под руководством Ф. Козубовского. Тогда в долине р. Бакшалы (правый приток р. Южный Буг) у сс. Анетовка и Щуцкое было обнаружено несколько местонахождений, которые были датированы, в то время, «эпипалеолитической эпохой». В 1939–1940 гг. на окраине с. Владимировка на правом берегу р. Синюха М.К. Якимович открыл и частично исследовал стоянку Владимировка. К сожалению, материалы этих памятников частично или полностью были утеряны после смерти исследователей и в годы ВОВ. В это же время, в окрестностях Одессы, в карстовой полости у с. Ильинка, открыто (Т.Г. Грицай) и практически полностью исследовано (А.Д. Рошин, А.В. Добровольский) палеонтологическое местонахождение, где, вместе с костями пещерных медведей, было обнаружено около 50 экз. количество разновременных кремневых изделий, которые впоследствии неоднозначно интерпретировались исследователями.

В 1946–1947 гг. А.П. Черныш продолжил исследования на стоянке Владимировка, на которой было выделено 8 культурных слоев и сделан вывод о постепенной трансформации кремневого инвентаря (микролитизация и появление геометрических форм) от нижележащих слоев к вышележащим.

Несколько позже разведки и раскопки в регионе проводили П.И. Борисковский (50–60-е гг.) и В.И. Красковский (50–70-е гг.). В это же время, под Одессой были частично исследованы памятники Большая Аккаржа и Каменка, а также обнаружено ряд верхнепалеолитических и мезолитических местонахождений.

С середины 60-х годов исследования каменного века региона были продолжены В.Н. Станко. Под его руководством проведены разведки, в результате которых открыты памятники палеолита и мезолита, полностью или частично исследовано несколько мезолитических памятников, а с 1978 по 2007 гг. проводились раскопки памятников верхнего палеолита долины р. Бакшалы. На материалах этих исследований В.Н. Станко и С.П. Смольянинова разработали хронологию и культурно-историческую периодизацию верхнего палеолита и мезолита региона.

Также, в 70-е – 2000-е годы проводились разведки и исследования памятников верхнего палеолита Побужья (С.П. Смольянинова), Нижнего Поднепровья (Н.П. Оленковский) и Нижнего Поднестровья (И.В. Сапожников). Для каждого из этих микрорегионов, в зависимости от подходов исследователей, предложена своя культурно-историческая схема развития и взаимодействия верхнепалеолитических культур.

ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ИГЛЫ С УШКОМ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОКОРЕНИЯ МИРА

Костяные иглы с ушком и шилья составляют набор швейных инструментов, использовавшихся человеком каменного века повсеместно, однако в сравнении с прочими изделиями из кости, иглы на протяжении многих лет оставались недооценённым элементом культуры палеолита. Следует отметить, что распространённое мнение о малой информативности этих предметов оказалось неверным.

Костяные иглы распространены широко, однако в палеолитических контекстах они немногочисленны. Лишь в некоторых из них число таких находок превышает десять предметов. Раскопки Янской стоянки доставили крупнейшую в мире коллекцию иголок с ушком и их фрагментов (N=192), возраст которой ~32000 Cal BP. Благодаря большому объёму выборки, впервые удалось достоверно выделить иглы различных размерных классов по длине, толщине и назначению (не менее восьми разновидностей).

Иглы с ушком появляются в интервале 50000–40000 л.н., первоначально в Сибири, в связи с особенностями температурного режима этих территорий: это область постоянно существующих отрицательных среднегодовых температур, в условиях которых существование человека невозможно без сложной многослойной одежды. Характерной чертой сибирского верхнего палеолита является наличие орнаментированных иголок. Иглы с ушком и шилья свидетельствуют о наличии развитой формы швейного производства. Их появление связано с расселением в Северной Евразии анатомически современных людей, и в этом смысле иглы с ушком, как было неоднократно отмечено ранее, являются надёжным культурно-историческим маркером.

Данная инновация является, возможно, самым важным изобретением верхнего палеолита (критической технологией), поскольку позволяет получить всё необходимое для жизнедеятельности в условиях климата, близкого к современному арктическому – одежду, обувь, жилище. Обладание этими элементами системы жизнеобеспечения позволило человеку заселить арктические территории.

Производство игл с ушком оказалось невозможным для неандертальцев по биомеханическим и нейробиологическим причинам. Недостаточно развитая мелкая моторика и связанные с

нею особенности развития интеллекта служили естественным ограничением подобной деятельности, наравне с производством серийных, стандартизированных микроорудий из камня.

Это обстоятельство оказалось частью комплекса причин, не позволивших неандертальцам противостоять холодному климатическому тренду на заключительном этапе вислинского оледенения. Напротив, обладание данной технологией позволило анатомически современным людям успешно пережить данный рубеж.

ТРАСОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИЗДЕЛИЙ ИЗ КРЕМНЯ, КОСТИ И РАКУШКИ ИЗ НИЖНИХ СЛОЕВ ПОСЕЛЕНИЯ РАКУШЕЧНЫЙ ЯР

Многослойное поселение Ракушечный Яр исследуется с 60-х годов прошлого века с большими перерывами. Начало его исследованиям было положено экспедицией ЛГУ под руководством Т.Д. Белановской, которая в течение 11 полевых сезонов с 1961 по 1979 г с перерывами проводила раскопки. Материалы раскопок хранятся в Государственном Эрмитаже. Исследовательницей выделено 23 культурных слоя, охватывающих значительный хронологический диапазон от развитого неолита до эпохи бронзы. В 1975 г. небольшие работы на поселении провел Д.Я. Телегин. С разрешения Т.Д. Белановской раскопки продолжили Цыбрий В.В. и Цыбрий А.В. с перерывами вплоть с 2008, 2010, 2012 и затем с 2016 по 2019 гг. Авторы раскопок пришли к выводу, что в целом материалы более мощного раковинного и нижележащих слоев обнаруживают технико-морфологическое сходство и не противоречат наблюдениям, сделанным Т.Д. Белановской. Из ранее неизвестных находок следует отметить выявление большого количества шайбовидных бус из створок раковин.

Для трасологического исследования были отобраны материалы из кремня, кости и ракушки из нижних слоев поселения Ракушечный Яр из раскопок последних лет. Было исследовано 15 кремневых наконечников стрел и их фрагментов на предмет сохранности и наличия микроследов. Все изделия использовались в качестве наконечников стрел, на некоторых из них сохранились микроследы крепления к древку и характерные повреждения на вершукке орудия. Помимо этого был выявлен ретушер для оформления кремневых изделий, а также серия скребков. Часть скребков была использована для обработки дерева (7 экз.), часть для обработки шкур (7 экз.), кости рога (2 экз.) и мягкого камня или ракушки (1 экз.). Также был определен резчик-скобель для работ по кости-рогу и нож для мяса. Помимо этого было выявлено 11 сверл, которые были использованы для обработки дерева, кости-рога и мягкого камня или ракушки

Анализ выборки изделий из кости показал, что они были использованы в качестве орудий для обработки поверхности керамических изделий, а именно шпателей (15 экз.). Часть изделий из кости была использована в качестве лоцил для обработки поверхности керамических сосудов (4 экз.). Часть морфологически схожих орудий, которые типологически все относятся к проколкам (4 экз.) были именно проколки, в отличие от выше определенных изделий.

Наибольшее количество изученных изделий составляют бусины из раковин *Unio* и их фрагменты. Были рассмотрены целые изделия и их заготовки с обломанными краями и началом свер-

ления и без него. Целые бусины часто очень изящно оформлены с цилиндрическим сверлением кремневыми орудиями. Микросверла были трасологически определены. По периметру бусины были тщательно зашлифованы до округлого диаметра и сnivelированием граней пришлифовкой. Дальнейшее исследование коллекции покажет более полную картину хозяйственной жизни на поселении Ракушечный Яр.

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00568а

ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ АШЕЛЬСКИХ КОМПЛЕКСОВ ДАРВАГЧАЙСКОГО ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКОГО РАЙОНА (ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ ДАГЕСТАН)

Группа стоянок раннего палеолита в Приморском Дагестане является свидетельством одного из ранних периодов расселения древнего человека на территории Кавказа. В разрезе представлена сложная толща лёссово-почвенных горизонтов, ниже переходящая в пролювиальные (галечно-гравийные) отложения с многочисленными обломками горных пород из окружающих возвышенностей. Нижняя часть разреза представлена морскими крупнозернистыми песками и галечниками с фауной моллюсков. В данных пролювиальных и прибрежно-морских отложениях встречаются каменные артефакты. В течение ряда лет комплексные археологические исследования проводились на памятнике Дарвагчай-Залив-4. В ходе раскопок стоянки была получена серия разрезов правого берега р. Дарвагчай, которые вместе с обнажениями на прилегающих к раскопу участках явились основой для детальных стратиграфических исследований и установления условий залегания археологических материалов. Среди выделенных категорий орудий преобладают скребла, шиповидные, выемчатые и комбинированные орудия. Наиболее выразительной частью орудийного набора являются крупные галечные (чопперы) и бифасиально обработанные (рубила, пики) изделия. Облик основных категорий типологически выраженных артефактов, позволяют отнести данные материалы к числу позднеашельских комплексов Кавказа. Хронологические рамки культуросодержащих слоев стоянки ранее основывались исключительно на палеонтологических данных (анализ малакофауны) и палеомагнитных исследованиях (Деревянко и др., 2018). В 2019 г для всех культуросодержащих горизонтов памятника Дарвагчай-Залив-4 методом OSL (оптически стимулированное люминесцентное датирование) была получена серия дат, которые полностью подтвердили полученные ранее результаты. Суммарная информация, полученная методами естественных наук и OSL-датированием, свидетельствует, что время формирования слоя 5 (морские отложения) соответствует периоду 390–350 тыс. л.н. (MIS 11–10), а слоя 3 (пролювиальный горизонт) – интервалу 250–220 тыс. л.н. (MIS 7).

Работы выполнены при поддержке грантов РФФИ 19-09-00006 (археологические исследования) и 19-05-01004 (геохронологические исследования).

Список литературы

Дервянко А.П., Рыбалко А.Г., Зенин В.Н., Янина Т.А. Исследования раннепалеолитической стоянки Дарвагчай-Залив-4 в Дагестане // Археология, Этнография и Антропология Евразии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. № 2 (46) . С. 3–15.

ДООРИНЬЯКСКИЙ ПЛАСТ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ХРОНОЛОГИЯ, ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ И КУЛЬТУРОГЕНЕЗ

Вышедшая 40 лет назад статья трех аспирантов ЛОИА (Амирханова, Аниковича, Борзияка) «К проблеме перехода от мустье к верхнему палеолиту на территории Русской равнины и Кавказа» явилась первым обобщением материалов Восточной Европы по этой проблеме в условиях повсеместного распространения концепции археологических культур в отечественной археологии палеолита.

Принципиальным следствием перехода от стадийного представления палеолита к культурному явилась смена ориентации проблемы аналогий на подчеркивание региональной специфики культур Восточной Европы. Европейский контекст стал привлекаться в основном для акцентирования их своеобразия. В последние два десятилетия ситуация изменилась из-за возросшей потребности рассматривать восточноевропейские материалы как часть общеевропейских процессов. Изменилась и содержательная часть проблемы формирования верхнего палеолита, в первую очередь из-за изменения представлений о механизмах его сложения: если еще десять лет назад ранний верхний палеолит рассматривался как сочетание ориньяка кросс-континентального распространения и серии локальных «переходных» культур, то сейчас, на основании новых датировок, последние рассматриваются как этап, повсеместно предшествующий появлению ориньяка.

Доориньякские памятники верхнего палеолита Европы включают серию индустрий, в силу традиции относимых к переходным, и индустрии типично верхнепалеолитического облика. Первые группируются в три класса основанные на: (1) традициях леваллуа (Levallois-derived), (2) наличии двустороннеобработанных форм, (3) наличии обушковых орудий (curved back pieces). Вторые представлены серией мелких культурных образований (проториньяк, кремс-дюфур, фуманиан), выделенных часто на основании материалов единичных, но специфических памятников.

В Восточной Европе выделяется шесть культурных традиций, с разной степенью достоверности и аргументации, относимых к «доориньякским»:

- стрелецкая, единственная сохранившая статус «переходной»;
- спицынская, как оригинальная культура, не имеющая аналогий в палеолите Центральной и Западной Европы;

- культура типа IVb культурного слоя Костенок 14;
- культура типа Заозерье 1 как локальный вариант традиции обушковых орудий;
- культура типа слоя С Буран Каи 3;
- проблемный ахмар слоя IC Мезмайской ст.

Их рассмотрение в рамках пласта Начального верхнего палеолита позволяет наметить общие черты и представить как составляющие общего процесса.

Гранты РФФИ 17-06-00319, 18-39-20009 и программа ФНИ ГАН 0184-2019-0001.

ПЕРВЫЕ ПОСЕЛЕНЦЫ НА ТЕРРИТОРИИ ОТСТУПИВШЕГО ЛЕДНИКОВОГО ЩИТА НА ВАЛДАЙСКОЙ ВОЗВЫШЕННОСТИ

Археологические стоянки, где получены данные естественнонаучных дисциплин для определения хронологии, расположены близ границ отступления последнего валдайского оледенения. Стоянки находятся между моренами бологовской и едровской стадий, приурочены к краевым комплексам, состоящим из холмисто-моренного рельефа, камов, озов, водно-ледниковых дельт (Чеботарева и др., 1965. С.16–45).

Первоначальное заселение территории Валдайской возвышенности представлено материалами стоянок эпиграветтской традиции. В верховьях Днепра на эпиграветтской основе формируется гренская культура в хронологических рамках аллеред-дриас III, возраст которой подтвержден данными палеомагнитного анализа и геоморфологии стоянки Вышегора I, расположенной в истоках Днепра, Днепровской гляциодепрессии в Смоленской области. Здесь зафиксировано непрерывное развитие материальной культуры аналогичное историческим процессам характерным для южных территорий, где отмечено развитие граветтских комплексов на значительном хронологическом отрезке.

В верховьях Волги у едровской стадии отступления ледника, наиболее ранние датированные материалы известны по материалам многослойной стоянки Баранова гора и Подол III, расположенных на северном берегу озера Волго в Тверской области, где установлено наличие колонки геологических отложений, начиная с конца бёллинга до пребореала. Здесь развитие эпиграветта было прервано появлением населения акуловской культуры в дриасе II с микропластинчатой заготовкой, и, несколько позднее, в аллеред-дриас III подольской культуры технокомплекса бромме. Технокомплекс понимается как группа индустрий не связанных генетически, но характеризующихся использованием сходных технологий и инвентаря в целом, последнее подтверждается данными картографии стоянок, 2D морфометрических методов по наконечникам стрел, что подтверждает правомерность выделение подольской культуры технокомплекса бромме, но не культуры бромме, что соответствует общепринятым правилам выделения культурных единиц как гносеологических категорий.

Работа выполнена в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2018-0011 «Первые люди на Севере России: Арктика и Субарктика в позднем плейстоцене и раннем голоцене»

Чеботарева Н., Гричук В., Вигдорчик М., Фаустова М., Бискэ Г. Вайтекунас П., Гуделис В., Девятова Э.И. Главные этапы деградации и краевые зоны. Деградация льдов валдайского оледенения. // Последний Европейский ледниковый покров. К VII Конгрессу INQUA (США, 1965). М. Наука. 1965. С. 26–44.

А.Н. Сорокин¹, А.В. Панин², Н.Н. Солодков³ А.Л. Смирнов⁴

¹Институт археологии РАН. Москва, Россия

ansorokin1952@mail.ru

²Институт географии РАН.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

Москва, Россия

a.v.panin@yandex.ru

³Пензенская государственная архитектурная академия. Пенза, Россия

niconsol@yandex.ru

⁴Институт археологии РАН. Москва, Россия

ЗАБОЛОТСКИЙ ТОРФЯНИК: НОВАЯ СТРАНИЦА ГЕОАРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В 2018 г. были возобновлены геоархеологические исследования Заболотского торфяника в Подмоскowie. В современном понимании геоархеология – это дисциплина, представляющая собой симбиоз естественных наук (четвертичной геологии, геоморфологии, палеогеографии, почвоведения и тафономии) и гуманитарной археологии, то есть, направление, генерирующее результаты естественнонаучных методов исследования, образцы для которых получены путём археологических раскопок с целью выявления природных и общеисторических закономерностей развития.

В ходе двухлетних работ был проведён широкий спектр естественнонаучных изысканий и продолжено стационарное изучение ГАО Минино 2 – комплексного памятника, в котором грунтовый могильник сочетается с многослойной стоянкой. В 2019 г. впервые с помощью квадрокоптера была произведена ортофотосъёмка поверхности Заболотского ГАП, создана цифровая модель рельефа и на этой основе осуществлены георадарная разведка напластований и привязка скважин и почвенных кернов к единой сетке. С целью реконструкции истории осадконакопления и рельефообразования мобильной буровой установкой было выполнено бурение серии скважин глубиной до 20 м, образцы из которых были датированы AMS-методом, благодаря чему были выявлены древние речные русла с возрастом 15–16 тыс. лет, как погребённые, так и выраженные в современном рельефе поймы в виде широких ложбин. Полученные данные привели к выводу о необходимости пересмотра модели геоморфологии региона и отказа от гипотезы Тверского приледникового озера, занимавшего всю Заболотскую палеоозёрную котловину в валдайское время. Не вызывает сомнения, что в позднеледниковье в долине р. Дубны сохранялся речной режим. Судя по всему, образование Заболотской палеоозёрной котловины было связано с московским

оледенением, но сформировавшийся тогда озёрный водоём к началу последней ледниковой эпохи был уже заполнен осадками и дренирован. Это не исключает периодического формирования небольших озёр в разных местах низины, что типично для речных долин, находящихся в состоянии направленной аккумуляции (согласно данным бурения и датирования, в долине р. Дубны это продолжается не менее, чем последние 30 тыс. лет), но единого крупного озера, занимавшего в позднем Валдае всю Заболотскую палеокотловину, не существовало.

Вновь полученные АМС-даты позволяют удревнить и время первоначального освоения территории носителями рессетинской культуры до 15800 Cal BP, что важно для понимания объективной исторической картины и установления динамики поселенческой стратегии населения в четвертичном периоде.

Выполнено при финансовой поддержке РФФИ: проект № 19-09-00143А «Болотная кладовая Европейской России (Заболотский геоархеологический полигон)» (2019–2021 гг.).

КОСТЯНЫЕ ОРУДИЯ СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА ХОТЫЛЁВО I

Среди находок многослойного памятника Хотылево I (Брянский район Брянской области РФ, верхнее течение Десны) есть небольшое количество костяных орудий. В коллекции, полученной Ф.М. Заверняевым, упоминаются «изделия из кости» (Заверняев, 1978. С. 65–66, табл. XLVII), которые можно разделить на наковальни из фрагментов трубчатых костей (из раскопов 4 и 6, 2 экз.), и осколки с заполированными краями и, как предполагал автор, со следами обработки (из разных раскопов, 7 экз.).

Самые выразительные костяные орудия Хотылёво I, найденные в ходе работ Верхнедеснинской экспедиции ИИМК РАН (с 2010 г.), относятся к культурным горизонтам 3 и 4 раскопа, получившего рабочее название XI-6-2 (участок, прирезанный к раскопу 6 Ф. М. Заверняева). По данным ОСЛ датирования, возраст культурных горизонтов Хотылёво I помещается в МИС 5a (от 71 до 82 т. л. н.) без возможности большей детализации (Hein et al., 2019). Культуросодержащий горизонт 3 представляет собой значительно смещенную аллювиальную почву – бурые гумусированные суглинки. С археологической точки зрения горизонт выглядит по меньшей мере перемещенным: небольшое количество находок, редкие чешуйки, находки не формируют концентраций. Из этого горизонта происходит диафиз кости бизона с обломами, на заостренных концах отмечается скругление краёв и блеск. Других находок костей в этом горизонте нет – даже небольших фрагментов или остатков микрофауны из промывки. Возможно, эта кость была переложена из другого горизонта, в таком случае наиболее вероятный источник переложения – культуросодержащий горизонт (далее КСГ) 4, в нем находки костей сравнительно многочисленны, а также найдено костяное орудие – наковальня. Находка из КСГ 4 представляет собой фрагмент диафиза кости мамонта, губчатая масса отсутствует, а на внешней поверхности отмечаются множественные следы ударов в виде выбоин и линейных следов.

Для среднего палеолита в целом характерно использование осколков, обломков костей без специальной подработки, и опознаются такие инструменты в основном по следам использования, хотя известны и отдельные случаи применения настоящих изделий из кости. Ретушеры и наковальни – довольно распространенные для среднего палеолита находки, особенно в пещерных памятниках. В этом отношении материалы Хотылёво I вполне вписываются в общую картину.

Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме № 0184-2019-0001.

Список литературы

- Заверняев Ф. М.* Хотылёвское палеолитическое местонахождение / Ред. Н.Д. Праслов. Л.: Наука, 1978. 127 с.
- Hein M., Weiß M., Lauer T., Goldberg P., Otcherednoy A.* Luminescence chronology of the key-Middle Paleolithic site Khotylevo I (Western Russia): Implications for the timing of occupation, site formation and landscape development // Культурная география палеолита Восточно-европейской равнины: от микока до эпиграветта. Международная конференция – полевой семинар. Тезисы докладов / Ред. К.Н. Гаврилов. М.: ИА РАН, 2019. С. 19–20.

Е.М. Столпникова^{1,2}, Н.О. Ковалева¹, Х.А. Амирханов³, Д.В. Ожерельев³

¹Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова. Москва, Россия
opallada@yandex.ru

²Московский государственный университет. Москва, Россия

³Институт археологии РАН. Москва, Россия
dmit.ozherelyev@gmail.com

**ПАЛЕОПОЧВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
РАННЕПЛЕЙСТОЦЕНОВЫХ ОТЛОЖЕНИЙ
ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ МУХКАЙ ПА И МУХКАЙ П (СЛОИ 21–25)
(РЕСПУБЛИКА ДАГЕСТАН):
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДАННЫХ И ВОЗМОЖНОСТИ МЕТОДОВ**

Раннепалеолитические стоянки Мухкай П и Мухкай Па расположены на территории Акушинского района республики Дагестан на среднегорных высотах (Н=1629 м над ур. м.) акушинско-левашинского платообразного поднятия Гимринского хребта (северная часть Восточного Кавказа). Стоянки залегают в толще раннеплейстоценовых отложений возрастом 2,1–1,7 млн. л.н. В ходе работы были отобраны и проанализированы образцы из стенок раскопов стоянок Мухкай Па 2014 и 2017г. (сл. 3–6, костеносные слои 1–3) и Мухкай П (сл. 21–25, 105). Во всех исследованных сериях отложений хорошо прослеживается влияние гидроморфных условий: Fe-Mn примазки определяют отложения как подвергавшиеся постоянным флюктуациям водного режима, а оглеенные горизонты – длительному нахождению в обводнённой безкислородной среде. Оглеение заметно возрастает в местах залегания костеносных слоев 2–3 (Мухкай Па). Низкие значения магнитной восприимчивости ($11\text{--}27 \cdot 10^{-6}$ СГСМ) подтверждают нахождение в условиях переувлажнения и в тоже время отсутствие сильномагнитного вулканогенного материала. Вся исследуемая толща окарбоната, но новообразования в виде ризолитов найдены только в слое 105. В остальном карбонаты представлены в рассеянном виде; в качестве корок на поверхностях костей, орудий и цементированных прослоек. Тем не менее, величины рН достигают слабощелочных и щелочных значений (7,5–8,1), что указывает на наличие легкорастворимых солей в профиле. Данные слои содержат ионы Cl^- , SO_4^{2-} , Na^+ , K^+ , концентрации которых говорят о слабом засолении. Содержание органического углерода и его изотопный состав имеют весьма однородное профильное распределение, не превышая $0,1\% \text{C}_{\text{орг}}$ и $\delta^{13}\text{C} = -26,1\text{--}27,2\%$ соответственно. Небольшой максимум содержания $\text{C}_{\text{орг}}$ и N выявлен в углублении палеоруслу стоянки Мухкай Па. Здесь же происходит небольшое утяжеление изотопного состава. Исходя из этих величин изотопного состава, а также распределения *n*-алканов преобладающая растительность не носила сухостепной характер. Образцы в разной степени обогащены биомаркерами древесной расти-

тельности (C_{27} и C_{29}), особенно выделяется почвоподобный горизонт под культурным слоем 25в ($C_{27}+C_{29}=36\mu\text{г/г } C_{\text{орг}}$). Чётко видно преобладание коротко- и среднецепочечных алканов - биомаркеров микроорганизмов, водорослей и водных растений, особенно в культурном слое 3 стоянки Мухкай Па, где в шлифах также был зафиксирован карбонатный планктон.

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ 17-14-01120, а также гранта РФФИ 17-06-00116.

СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ОСТАТКОВ В КУЛЬТУРНОМ СЛОЕ СТОЯНКИ КОНЦА РАННЕГО ПЛЕЙСТОЦЕНА МУХКАЙ 1 (СЛОЙ 7В)

В 2019 году были осуществлены раскопки на стоянке Мухкай 1, которые затронули, в частности, слой 7в. Последний раскопан на площади 35 кв. м. Археологические находки состоят исключительно из кремнёвых предметов. Коллекция включает в себя 186 изделий, разнотипных в морфологическом отношении и разнородных в технологическом смысле. Находки приурочены преимущественно к основанию слоя. Разброс подавляющего количества находок по вертикали на большей части раскопанной площади составляет около 15 см. Средняя плотность артефактов равна 5,31 предметов на 1 кв. м.

На раскопанной площади слоя 7в стоянки Мухкай 1 установлено наличие трех пятен концентрации археологического материала, которые можно интерпретировать, как участки стоянки, на которых осуществлялась особенно активная деятельность древних людей, оставивших данный памятник. Качественный состав культурных остатков, обнаруженных в пределах этих значимых структурных элементов культурного слоя позволяет разделить последние на две функциональные группы. В первую входят скопления 1 и 2, и они определяют данные участки стоянки, как места, где осуществлялось использование готовых орудий. Что касается скопления 3, то он более сложный. Если рассматривать этот объект, как нечто целое (а оснований для сомнений в этом нет), то он убедительно демонстрирует, как использование на данном участке орудий, так и их активное изготовление.

По данным рассматриваемых материалов культурные остатки таких памятников в их первоначальном виде представляют собой не беспорядочное распределение в слое продуктов расщепления каменного сырья (в данном случае кремня), а органичные группы инвентаря, которые связаны с различными функциональными участками стоянки и способны служить полноценным источником для определения функционального типа памятников. Отмеченное приобретает особую значимость, учитывая внушительный возраст памятника, равный, $\approx 0,95 - \approx 0,99$ млн. л.н.

¹Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН.
Петрозаводск, Россия
taleksej@drevlanka.ru

²Институт водных проблем севера Карельского научного центра РАН.
Петрозаводск, Россия

³Институт прикладных математических исследований Карельского научного центра РАН.
Петрозаводск, Россия

РАЗМЕР ДЕБИТАЖА КАК ПАРАМЕТР ДЛЯ ОЦЕНКИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА КАМЕННЫХ ОРУДИЙ. НА ПРИМЕРЕ ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ МАСТЕРСКИХ ОНЕЖСКОГО ОЗЕРА

Доклад рассматривает потенциал метрических признаков дебитаж, образующегося при изготовлении каменных орудий, как параметра, позволяющего различить стадии расщепления, представленные на той или иной стоянке-мастерской. Наиболее значимой особенностью мастерских является очень большое количество отходов производства, часто делающее невозможным детальный анализ каждого объекта в отдельности по причине чрезвычайно больших временных затрат на его проведение. Для изучения подобных многочисленных коллекций рядом исследователей, преимущественно североамериканских, были разработаны методы «массового» или «агрегированного» анализа.

Массовый анализ предусматривает описание незначительного количества признаков (один или два-три), в первую очередь, метрических, а также использование техник, позволяющих производить замеры сразу у некоторого множества объектов. Такой анализ позволяет получить урезанную, но всё же существенную с точки зрения археологической интерпретации, информацию при приемлемых затратах времени. В случае с огромными коллекциями, насчитывающими многие десятки и сотни тысяч единиц, подобный подход является, по сути, единственным, позволяющим охватить всю коллекцию целиком.

В подходе, предлагаемом в данной работе, используются два ранее предложенных метода: линейная регрессия размера сколов Л.В. Паттерсона (1990) и анализ фрактального измерения размера сколов С.Т. Брауна (2001). Оба метода позволяют провести различие между стадиями обработки (в рамках стадиальных последовательностей расщепления), при которых получен анализируемый дебитаж. В качестве техники получения первичных данных – длины сколов по наибольшей оси, использовано массовое фотографирование с последующим анализом снимков в компьютере с помощью систем распознавания изображений. Техника уже представлялась ра-

нее (2013). В нынешнем актуальном варианте для компьютерной обработки используется свободно распространяемая программа ImageJ.

Данный подход применён для изучения отходов от производства рубящих орудий из метатифа т.н. русско-карельского типа, производившихся в мастерских западного побережья Онежского озера энеолитического периода, и активно использовавшихся для обмена, в том числе с удалёнными коллективами. Анализ проведён на материалах стоянок-мастерских Фифаново XIII и Деревянное XVIII, на первой из которых имел место полный цикл производства, а на второй – завершение обработки частично готовых предметов.

**ОТ ОКРАИНЫ К ЦЕНТРУ:
К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ПЕРИФЕРИЙНЫХ ОБЪЕКТОВ ВТОРОГО СЛОЯ
СТОЯНКИ ТРЕТИЙ МЫС**

Одним из аспектов проблемы соотношения неоднородных структур (комплексов), залегающих в одной стратиграфической позиции (при условии идентичности технико-типологических характеристик кремнёвого материала), является интерпретация периферийных объектов. На каких данных основывается отнесение последних к той, или другой неоднородной структуре? Если периферийный объект имеет четкие границы и отделен в плане зоной без (или с минимумом) находок от «соседних» структур, стратиграфически залегает на том же уровне, возможно ли установить хронологию и соотношение объекта с «соседними» структурами?

Второй слой стоянки Третий мыс выявлен на всей вскрытой площади памятника (525 кв. м. на 2019 г.), слой состоит из разнотипных неоднородных структур (комплексов), в одной стратиграфической позиции, залегающих компактными пятнами. Часть из них выделяются визуально и имеют четкие границы распространения/нераспространения разнородных остатков и объектов, гомогенность отдельных участков выявлена на основании данных пространственного анализа (когда границы структур находятся близко друг к другу или сливаются в плане). «Классический» вариант – структура с очагом, вокруг которого происходит наиболее интенсивная и разнообразная хозяйственная деятельность. Наблюдения последних 4 лет над залеганием находок позволяют предположить, что найден южный край структур второго слоя. Периферия памятника (не периферия отдельных комплексов) только начинает изучаться. В 2019 году обнаружен необычный для второго слоя памятника очаг. Очаги, как элементы культурного слоя, на памятнике известны во всех слоях. Степень сохранности у них разная. У новой находки 2 существенных отличия: расположение и заполнение.

а) «Стандартный» очаг – центр структуры, который располагается в той её части, где наблюдается концентрация находок. Состав его окружи – орудия, целые и во фрагментах, отходы их производства, остатки первичной и вторичной обработки сырья, свидетельствует о разных видах деятельности. Кроме того, 9 из 11 известных ранее очагов располагались на небольшом склоне, откуда вниз эвакуировалась основная масса отходов из очага.

Очаг последнего сезона находился вне границ «соседних» структур на ровной, слегка наклонной поверхности. К востоку от него располагался объект из ряда очагов и скоплений вокруг них крупного комплекса. Южнее – другая неоднородная структура с очагом в центре. К какой из структур принадлежит очаг, или совокупность этих объектов образует единый комплекс?

б) Очаг обычно заполнен зольной массой с большим количеством кремня и кости разной степени обожженности. В новом очаге найдено меньше десятка крупных фрагментов кости, 3 кремневых предмета (два – без следов воздействия огня), и 3 мелких скола в промывке. Зольное заполнение оказалось более «сажным», чем обычно. Впервые в истории раскопок памятника зафиксирован древесный уголь. Очаг округлый в плане, но более глубокий, с отвесными стенками со следами прокаливания, что также встречено впервые. Данные особенности нового объекта показывают, что периферия стоянки может быть необычной и носить следы нестандартной деятельности.

**РАЗБРОС АБСОЛЮТНЫХ ДАТ
ОЧАГОВ КОСТЕНКОВСКО-АВДЕЕВСКИХ КОМПЛЕКСОВ:
ВАРИАНТ ОБЪЯСНЕНИЯ**

Костенковско-авдеевские комплексы развитой поры верхнего палеолита представляют собой сложные поселенческие структуры, элементы которых формируют планиграфически единую жилую площадку. Часто в таких комплексах выделяется линия очагов, лежащая на длинной оси овальной площадки. Несмотря на то, что линии очагов закономерно воспринимаются как организующие пространство комплексов группы синхронных объектов, радиоуглеродные даты, полученные для разных очагов одной линии, могут существенно отличаться. Так в Авдеево-Новом разброс некалиброванных дат линии очагов составляет от 22800 ± 160 до 21200 ± 200 л.н., для верхнего слоя Костенок 1 от 23330 ± 150 до 21180 ± 100 л.н. (причем крайние даты получены Гронингенской лабораторией по образцам из одного очага). Если для дат по костному углю из объектов разных типов (культурный слой, углистые прослойки, ямы разного назначения и т.д.) одного комплекса можно предполагать асинхронность, ссылаясь на постепенную трансформацию планировки и сложность микростратиграфии, то очаги, образующие ось комплекса, объявить асинхронными сложно.

Какова степень хронологической гомогенности датирующего материала? Речь не о дате обугливания кости, а о дате гибели давших кость животных. Вспомним о феномене мамонтовых «кладбищ» (естественных скоплений остатков мегафауны) и их эксплуатации человеком. В слабо облесенной перигляциальной тундростепи такие скопления костей могли служить надежным источником топлива. В криоаридных условиях при наличии многолетней мерзлоты вымороженная кость может утратить большую часть влаги, сохраняя жир. Это делает ее хорошим топливом даже спустя значительное время после гибели зверя и транспортировки его туши водным потоком. Скопления встречаются двух типов – катастрофные (возникавшие при одновременной гибели целого стада) и накопительные (постепенно аккумулирующиеся в течение длительного периода). Если в качестве топлива для очагов использовалась кость из второго типа скоплений, то радиоуглеродные даты не только могут, но и должны давать существенный разброс. Возможно, именно это мы наблюдаем при датировании образцов из разных очагов. Предложенная гипотеза объясняет и получение существенно отличающихся дат по разным образцам костного угля из одного очага.

Реальное время существования линий очагов и связанных с ними комплексов может быть получено по группе наиболее поздних взаимно перекрывающихся радиоуглеродных дат.

**В.Е. Щелинский¹, Я.И. Трихунков², Е.В. Кузнецов³, М.Ю. Лунев³,
А.В. Латышев⁴, М.А. Васильева⁵, И.А. Надуткин⁶**

¹Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург, Россия
shchelinsky@yandex.ru

²Геологический институт РАН. Москва, Россия
jarsun@yandex.ru

³ООО «Западно-Кавказская Археологическая Экспедиция». Краснодар, Россия
ligh91@mail.ru

⁴Институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН. Москва, Россия
anton.latyshev@gmail.com

⁵Московский государственный университет им. Ломоносова. Москва, Россия
mav@eventcons.ru

⁶Московский педагогический государственный университет. Москва, Россия
i.nadutkin@yandex.ru

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ НА Р. ПСЕКУПС (ПРЕДГОРЬЯ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА): НОВЫЕ ДАННЫЕ

Ранний палеолит Северо-Западного Кавказа малоизвестен. Сведения о нём ограничиваются находками каменных изделий, собранными в разных местах на поверхности в руслах рек и на склонах морских и речных террас. Поэтому мы не знаем достоверно ни его возраста, ни технологико-типологических особенностей.

Одним из наиболее интересных районов поверхностных сборов раннепалеолитических изделий является долина р. Псекупс (левый приток Кубани) в предгорьях Северо-Западного Кавказа. Здесь в 1950-е годы А.А. Формозовым и М.З. Паничкиной были зафиксированы больше 10 пунктов находок каменных изделий, отнесённых ими к раннему палеолиту. Большинство находок обнаружено в русле реки на галечном пляже.

В несколько иной ситуации были найдены изделия в пункте под названием «Игнатенков Куток» на левом берегу Псекупса приблизительно в 2 км от ст. Саратовской вниз по реке (сейчас это северная окраина ст. Саратовской). В этом месте некоторые изделия были собраны под обнажением отложений 35-метровой террасы, из верхнего галечника которой, как предполагалось, они могли выпасть.

В 2019 г. мы возобновили изучение палеолитических местонахождений на р. Псекупс. При этом основные работы проводились в окрестностях пункта Игнатенков Куток, неплохо изученных в палеонтологическом и геологическом отношении (исследования В.И. Громова, Н.А. Лебедевой, Э.А. Вангенгейм, А.С. Тесакова и др.).

В 50-е годы прошлого века левый берег Псекупса у ст. Саратовской был открытым, обрывистым, с хорошими обнажениями и вдоль него протягивался довольно широкий пляж. В настоящее время он зарос густым лесом, обнажения, как и пляж, на нём отсутствуют. Поэтому проводить здесь работы очень трудно и, казалось, бесперспективно. Тем не менее, мы рискнули.

В результате топографической съёмки и расчисток на левом берегу Псекупса между ст. Саратовской и х. Сорокин (~ 2 км) выделены две высокие плейстоценовые террасы, в отложениях которых выявлены ранее не известные разновременные культуросодержащие слои с палеолитическими каменными изделиями. Основание террас образуют отложения раннего плейстоцена с псекупским фаунистическим комплексом (~ 2,2–1,6 млн л.н.) Наиболее высокая терраса – 35-метровая (вероятно, V НПП). В толще отложений её на глубине около 9 м от поверхности обнаружен мощный (2-х метровый) слой галечника с многочисленными окатанными и почти не окатанными каменными изделиями, в том числе бифасами (местонахождение Игнатенков Куток). Как показали предварительные анализы, галечник имеет прямую намагниченность и относится, вероятно, к эпохе Брюнес (не древнее 780 тыс л.н.). Археологический материал местонахождения атрибутируется как ашельский, причём довольно ранний. Это единственное, ставшее известным сейчас, на Северо-Западном Кавказе раннепалеолитическое (ашельское) местонахождение с археологическим материалом, залегающим в ясном хроно-стратиграфическом контексте. Ниже по реке к этой террасе прислонена более низкая 23 метровая терраса (вероятно, IV НПП), в галечнике которой, менее мощном (около 1 м) и залегающем на глубине около 5 м от поверхности, найдены каменные изделия с признаками леваллуазской технологии обработки камня (местонахождение Сорокин). Это местонахождение можно отнести к концу раннего-началу среднего палеолита.

Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственной работы № 0184-2019-0008 «Производство и использование орудий труда в палеолите, неолите и эпоху бронзы (технологическое, трасологическое и экспериментальное изучение археологических материалов)» и при финансовой поддержке РФФИ, проекты № 18-00-00592 и 18-00-00977.

V.N. Stepanchuk

Institute of Archaeology of the National Academy of Sciences of Ukraine. Kyiv, Ukraine

VadimStepanchuk@gmail.com

THE EARLY SITES OF THE STONE AGE OF UKRAINE

In recent years, thanks to the ongoing targeted program of prospecting and field investigation of Lower Palaeolithic sites, as well as targeted laboratory research involving various aspects of the study of materials of these sites, a significant amount of new data on the early Stone Age in modern Ukraine has been accumulated.

Coordination and realization of these works in the last decade was mainly carried out by the Lower Palaeolithic expedition of the Institute of Archaeology of NASU of Ukraine with sporadic financial support of the Presidium of NASU, NFFR of Ukraine and the Ministry of Education and Science of Ukraine, as well as with active participation of representatives of a number of domestic and foreign scientific and museum centers, as well as local historians.

Data obtained in the last few years are presented and the main regularities of geographical setting, chronology, morphological and technological characteristics of assemblages are discussed in aspects of behavioural technological patterns, models of colonization of terrain, and evaluation of anthropic pressure on natural environment.

The Lower Palaeolithic records demonstrate hominin presence in mountainous areas (Carpathians, Crimea) and in the Podolian and Donetsk Uplands, that is in West and East of the country in its East European segment. More early sites gravitate to seashore and mountainous areas, more late sites witness for steady, though not continuous colonization of forested environments of fringe areas of East European plain. Available geological, geomorphological, biostratigraphical data and pilot ESR dates allows defining of their age between 1.2 and 0.4 Myr; sites correlate with few warm phases between MIS 35 and MIS 11 that means association with mainly forest environments.

Essential difficulties in lithic raw materials supply could be a reason for the rise of peculiar pattern of technological behaviour that involved mainly bipolar knapping and widely applied parting technology for shaping the working edges of tools. Typologically, industries are mostly characterised as belonging to Mode I, irrespective of their age. Some signs on the likely non-utilitarian behaviour of ancient hominins may also be discussed.

The Lower Paleolithic peopling pattern can be summarized as a multiple pioneering colonization of fringe areas of the East European plain during warm periods and depopulation during cold periods; anthropic pressure on environment is minimal.

The study was partly funded by the MES of Ukraine, project M-72/2019–2020.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ДНЦ РАН – Дагестанский научный центр Российской академии наук
- ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
- ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- НАНА – Национальная академия наук Азербайджана
- НАНУ – Национальная академия наук Украины
- РАН – Российская академия наук
- РФФИ – Российский фонд фундаментальных исследований
- РНФ – Российский научный фонд
- СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
- ФНИ ГАН – Фундаментальные научные исследования государственных академий наук
- NASU – The National Academy of Sciences of Ukraine

Научное издание

**ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА, КАВКАЗ,
БЛИЖНИЙ ВОСТОК
В КАМЕННОМ ВЕКЕ:
ХРОНОЛОГИЯ, ИСТОЧНИКИ И КУЛЬТУРОГЕНЕЗ**

Тезисы докладов

Редактор: *К.Н. Гаврилов*

Дизайн и верстка: *С.В. Кожушков*

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

ISBN 978-5-94375-305-3

9 785943 753053